

Литературная картография в романе
«Медея и ее дети» Л. Улицкой

Наталья Апунен-Лахти

Университет г. Тампере

Институт современных языков, переводоведения и литературоведения

Русский язык и литература

Дипломная работа

Июнь 2015

Оглавление

1	Введение.....	1
2	Людмила Евгеньевна Улицкая.....	5
2.1.	Жизнь и творчество Людмилы Евгеньевны Улицкой.....	5
2.2.	Ключевые характеристики творчества Людмилы Улицкой в литературной критике	6
2.3.	Роман «Медея и ее дети».....	10
3	Теоретические основы	13
3.1.	Пространство	13
3.1.1.	Пространственность и пространственный поворот.....	13
3.1.2.	Пространство и место	15
3.2.	Литературная картография как рабочий инструмент в исследовании пространственности текста	17
3.3.	Отношение пространства и времени	20
3.4.	Пространство и гендер.....	23
4	Аналитическая часть.....	26
4.1.	Рассмотрение романа, его сюжета и героев	26
4.2.	Хронотоп дома.....	32
4.2.1.	Каким образом дом Медеи является хронотопом?.....	32
4.2.2.	Изучение дома Медеи.....	38
4.2.3.	Противоположность дома – отправление и прибытие	42
4.2.4.	Традиция продолжается	45
4.2.5.	Хронотоп моря	47
4.3.	Элементы и символика важнейших мест в романе.....	49
5	Заключение	55
	Список источников	59
	Первичный источник:	59
	Вторичные источники:.....	59

Материалы, опубликованные в Интернете:.....	61
Словари:	62

Tampereen yliopisto
Venäjän kieli ja kulttuuri
Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö

APUNEN-LAHTI NATALIA: Literaturnaya kartografiya v romane ”Medeya i ee deti” L. Ulickoj /
Литературная картография в романе «Медея и ее дети» Л. Улицкой

Pro gradu -tutkielma, 62 sivua
Kesäkuu 2015

Tutkielmassa tarkastellaan kronotooppia ja sen muodostumista kirjallisuuden kartografian keskeisenä työkaluna. Työn primääriaineistona on Ljudmila Ulitskajan perheromaani *Medeia i ee deti* (suomeksi *Medeia ja hänen lapsensa*), joka kuvaa Sinoplin perheen vaiheita Neuvostoliitossa. Romaania analysoin erityisesti tilallisuuden ja ajan näkökulmasta. Tutkimukseni teoreettisen viitekehyksen muodostaa tilan ja ajan käsitteiden teoriat, Robert Tallyn teoria kirjallisuuden kartografiasta sekä keskeisenä kronotooppi-käsite.

Analyyssissa tavoitteena on tutkia, miksi valitsemani tila *Medeian koti* Krimillä on romaanin kronotooppi ja millä tavoin tämä ilmenee romaanissa. Tästä johtuen tarkastelen *Medeian kotia* hyvin yksityiskohtaisesti niin paikkana kuin sosiaalisena tilanakin. Tutkimuksessa havaittiin, että kodin kronotoopin vastakohtana ovat sen ympärillä ilmenevä jatkuva liike; saapuminen ja lähteminen, mutta myös kodin ympärillä muuttuva maailma. Työssäni pyrin lisäksi selvittämään päähenkilöiden suhdetta kodin kronotooppiin ja kronotoopin merkityksiä heille. Tutkielmassa osoitetaan, että tilan käsitteeseen kiinteästi yhdistetyt sosiaaliset vuorovaikutussuhteet näyttäytyvät suhteessa kodin kronotooppiin korostuneina päähenkilöiden välisinä suhteina sekä valta-asemien muodostumisina. Huomattavaa on myös se, että *Medeian kodin* pysyvyys näyttää kuvastavan omistajansa *Medeian* pysähtyneisyyttä.

Tutkimuksessa käsitellään lisäksi romaanissa esiintyvien keskeisten paikkojen, kuten Krim ja Moskova, symboliikkaa, joka puolestaan havainnollistaa niin kirjallisuuden kartografian kuin myös tilan käsitteen teoriaa.

Avainsanat: Kronotooppi, tila, aika ja kirjallisuuden kartografia.

1 Введение

В данной дипломной работе мы исследуем проблему пространства и хронотопа в романе «Медея и ее дети» современной писательницы Людмилы Улицкой. Роман – отличный и интересный выбор, потому что дом Медеи играет центральную роль в ходе событий романа. Нас, помимо центральной категории пространства, интересуют еще два основных пространственных понятия – литературная картография и хронотоп, которые мы затем будем подробно представлять и исследовать применительно к нашему материалу. Они являются также теоретическими инструментами нашего анализа романа.

Методом нашего исследования является пространственный подход при анализе романа «Медея и ее дети». Мы изучаем пространства романа и пытаемся формировать карту, которая основана на теории литературной картографии Роберта Талли. Понятие «литературная картография» Роберт Талли изучает в своей работе «Spatiality». Таким образом, данное исследование является актуальным и новым. Также хронотоп – важный инструмент нашего анализа, когда мы изучаем изображение дома Медеи. В данной работе мы намереваемся выяснить следующие вопросы:

1. Какие хронотопы можно найти в романе «Медея и ее дети»? Каким образом места и пространства являются хронотопами?
2. Какое значение хронотоп имеет для героев? Как герои относятся к хронотопу?
3. Какие пространства и места появляются в романе? Какую символику они имеют в романе? Какую карту они формируют с точки зрения литературной картографии?

Эти основные вопросы нашей работы, но главной проблемой будет обоснование хронотопа романа. Мы также заинтересованы в изучении движения героев романа из одного места в другое – какое движение происходит вокруг хронотопа и по каким причинам. Движение людей – одна из важнейших точек зрения в рассмотрении хронотопа. Нас интересует также следующий вопрос: какие возможные значения имеют страны света и географические местоположения (например, Крым) романа?

Автор, роман которого мы изучаем, Людмила Улицкая не только широко известная писательница в России, но также и в других странах мира, ее произведения переведены более чем на 30 языков. Критики называют ее произведения «прозой нюансов», потому что для ее работ характерны тщательность и удивительное мироощущение, которым она делится с читателями. Она также была удостоена многих литературных наград, таких как литературная премия Гринциане Кавур (Италия, 2008) и французская литературная премия Симоны де Бодуар за вклад «в роль и образ женщины» (2011). (Биография Людмилы Улицкой, www.) Темами в произведениях Улицкой являются семья, женщины, «разные» / «другие», свобода выбора и «быт».

Материал нашей работы состоит из двух типов источников: первичным источником будет роман «Медея и ее дети» и вторичными источниками будут различные теоретические и другие дополнительные источники. Основным объектом данного исследования будет роман Л. Улицкой «Медея и ее дети», который был опубликован в 1996 году и вывел автора в число финалистов Букеровской премии 1997 года (Юнггрен, Роткирх 2009: 115). Роман – история крымской гречанки Медеи, у которой нет своих детей. Но, несмотря на это, она много заботилась о детях своих братьев и сестер. Итак, они как бы стали ее детьми, хотя не биологическими. Название романа также отсылает к этому. Ключевые события романа происходят вокруг дома Медеи, куда ее родственники приезжают и проводят время обычно в течение летних месяцев. Также сегодняшнее положение Крыма, учитывая непростые политические и общественные проблемы этого полуострова, делает наше исследование актуальным и интересным.

При изучении пространства мы особенно будем использовать работы Роберта Талли «Spatiality» (2013) и Дорин Мессеи «Samanaikainen tila» (2008) и «Space, place and gender» (1994). В своей работе «Spatiality» Роберт Талли предлагает новый критический подход к исследованию пространственности. Основные темы данного исследования – пространственный поворот, литературная картография (mapping), картограф, повествование и читатель карты. (Tally 2013.) Центральными темами Дорин Мессеи в работах «Space, place and gender» и «Samanaikainen tila» являются пространство, место, время и гендер (Massey 1994, 2008). Она исследует пространство, подчеркивая аргумент, что пространство и время – нераздельные концепции (Massey 1994: 2-3). Работа «Samanaikainen tila» скорее синтезирует

ключевые мысли Мессе, высказанные ей на протяжении многих лет. В настоящей книге она обдумывает роль пола в пространстве и в пространственных теориях, рассматривает теоретизирование пространства и наконец, проясняет концепцию «время-пространство». (Massey 2008: 9-10.) Данные понятия мы рассмотрим ниже.

Мы будем исследовать вопрос хронотопа, и теоретическим источником будет работа «Формы времени и хронотопа в романе» Михаила Бахтина (Бахтин 1975, www). Самое существенное использование хронотопа как инструмента исследования – в аналитической части, в которой мы подробно анализируем материал («Медея и ее дети») с помощью статьи Уллы Саволайнен «Kasvun tiellä ja muutosten kynnyksellä – Evakkopojan muistelukertomuksen kronotoopit» (Savolainen 2009) и диссертации Марии Холмгрен Трой «In the First Person and in the House: The House Chronotope in Four Works by American Women Writer» (Holmgren Troy 1999).

Мы хотим напомнить, что данная работа является литературоведческим исследованием, потому что наш первичный источник – роман, вокруг которого мы строим данную работу.

Главными теоретическими понятиями настоящей работы являются «пространство», «литературная картография» и «хронотоп». *Пространство* обычно понимается как место, в котором происходит движение, но, более того, оно социально структурировано и формируется через взаимодействие социальных отношений, и таким образом оно всегда символическое (Massey 2008: 57-58). *Литературная картография* предполагает обращение внимания на изменчивые пространственные или географические формирования, которые влияют на литературные и культурные производства. Она выступает как форма чтения, которая сосредоточивается на пространстве и пространственности в текстах. (Tally 2013: 80). *Время и пространство* – нераздельные понятия и тесно связаны друг с другом (Massey 1994: 2-3). Пространственность связана с историей, которая является временным аспектом теории пространства (Massey 2008, Tally 2013). Итак, мы представляем понятие *хронотопа* Михаила Бахтина, которое понимается как существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений и которые художественно освоены именно в литературе. Хронотоп показывает нам как самые важные сюжетные события романа, так и ключевые пространства. Хронотоп

принадлежит к основному сюжетобразующему значению. (Бахтин 1975, www.)

Гендерный аспект для нас также важен при изучении романа «Медея и ее дети», потому что главными героями являются женщины, и отношение между мужчинами и женщинами романа ключевое с точки зрения рассказа. *Гендер* ссылается на женщин и мужчин и, естественно, их физические различия, но также культурные дифференциации соединяются с ними (Saresma, Rossi, Juvonen 2010: 14). Иными словами, гендер относится более к культурной конструкции, т.е. социальному созданию представлений о соответствующих ролях женщин и мужчин (Scott 1986: 1056). Исследуя роман, важно заметить, какие гендерные пространства в нем появляются.

В конце мы считаем необходимым рассказать о ходе работы. Во-первых, мы начинаем с представления Людмилы Евгеньевны Улицкой, автора романа «Медея и ее дети». Нас также интересует, что критики пишут о ней. Мы представляем кратко жизнь и творчество Улицкой и потом ключевые характеристики ее произведений в литературной критике. Во-вторых, мы представим теорию пространства и выявим центральные понятия, которые, как нам кажется, являются решающими для нашей работы. Данные понятия мы пытаемся сделать понятными, так как мы используем их в аналитической части. В-третьих, в аналитической части мы анализируем роман более глубоко, используя выбранные теоретические понятия. В-четвертых, мы закончим нашу работу заключением.

2 Людмила Евгеньевна Улицкая

В данной главе мы представляем Людмилу Улицкую, автора романа «Медея и ее дети», являющегося нашим первичным источником исследования. Во-первых, мы кратко рассмотрим жизнь и творчество Улицкой и, во-вторых, исследуем ключевые характеристики ее произведений, выделяемые литературными критиками.

2.1. Жизнь и творчество Людмилы Евгеньевны Улицкой

Людмила Евгеньевна Улицкая родилась в 1943 году в селе Давлеканово в Башкирии, но провела свое детство и юность в Москве (Salminen 2012: 252). Она изучала биологию в Московском государственном университете, и по образованию она биолог-генетик (Юнггрен, Роткирх 2009: 115). С 1968 до 1970 год она работала в Институте общей генетики АН СССР, но оттуда ее уволили за перепечатку самиздата (Биография Людмилы Улицкой, [www](#)). Три года она работала заведующей литературной частью Камерного еврейского музыкального театра и потом стала профессиональной писательницей (Юнггрен, Роткирх 2009: 116).

Людмила Е. Улицкая писала репортажи, спектакли для детей (Юнггрен, Роткирх 2009: 115) и публиковала свои рассказы в журналах в конце восьмидесятых годов (Биография Людмилы Улицкой, [www](#)). Она стала известной, когда ее повесть «Сонечка» была опубликована в литературном журнале «Новый Мир» в начале 1990-х годах. Людмилу Улицкую заметили также за границей, так как «Сонечка» получила престижную французскую премию Медичи. (Salminen 2012: 252.) Интересно то, что первая книга Л.Е. Улицкой «Бедные родственники» была опубликована в 1993 году сначала по-французски (чуть позже, в том же 1993 году, – на русском языке в издательстве «Слово») во Франции (Юнггрен, Роткирх 2009: 116).

Людмила Улицкая получила также другие литературные премии, например, премию «Русский Букер» ей дали за роман «Казуз Кукоцкого» и премию «Большая книга» за роман

«Даниэль Штайн, переводчик». (Salminen 2012: 252.) Так и ее известный роман «Медея и ее дети» вывел Улицкую в число финалистов Букеровской премии 1997 года (Юнгрен, Роткирх 2009: 115). Кроме литературных премий, ее наградили и премией Симоны де Бовуар в 2011 году за вклад в изображении жизни женщин и продвижению гендерного равенства (Salminen 2012: 252).

Ключевые темы романов Л. Е. Улицкой – изображение жизни женщин, терпимость и судьба жизни индивидуального человека и отношение к социальным условиям (Salminen 2012: 252) – темы, которые мы можем увидеть и в романе «Медея и ее дети».

2.2. Ключевые характеристики творчества Людмилы Улицкой в литературной критике

Здесь мы представим некоторые важные темы в произведениях Людмилы Улицкой. Эти темы характерны для Улицкой и тем или иным образом повторяются в ее текстах. Мы сделаем обзор работ исследователей, которые изучают творчество Людмилы Улицкой.

После 1992-ого года проза женщин и вообще литература значительно изменились: экономические и культурные изменения времен перестройки уступили место быстрому распаду СССР, в стране начался хаос и с начала 2000-х годов произошли изменения к стороне консерватизма. И «высокой культуре», и интеллигенции, которые до этого времени доминировали в литературе, пришлось сражаться за сохранение своей важной роли во время перемен. В то же самое время женская литература, напротив, стала популярной, и особенно проза Людмилы Улицкой. (Sutcliffe 2009a: 100.) Литература женщин или женских писателей 1990-х и 2000-х годов стала брендом, которая имеет различные типы традиции, например, реалистическую традицию романов женщин, представляемую творчеством Людмилы Улицкой (Rosenholm, Rytkönen 2012: 231-232). Типичные темы для женской прозы этого времени – значимость пола, репрезентация женской телесности, установка на женский субъективный опыт и особенно утверждение женщины через писательство и творчество; все эти аспекты можно обнаруживать и в

произведениях Людмилы Улицкой (Абашева, Воробьева 2007: 70-71). Проза Улицкой является более массовым и коммерческим стилем женской прозы, и поэтому она популярна в большом кругу читателей. Характерное свойство женских текстов – биографичность и субъективность, однако это не означает, что произведения женщин-писателей автобиографические. Например, в произведениях Улицкой, несомненно, есть некоторые черты ее биографии, но на самом деле в них нет саморефлексии. (там же: 101-102.)

Во всех произведениях Людмилы Улицкой семья играет важную роль. Семья, например, – защита для всех, которые являются подчиненными или в некотором смысле «ненормальными», и семья в повествовании Улицкой предстает в разном облике. (Rosenholm, Rytkönen 2012: 231-232.) Семья не только пара людей, а более того – сообщество для Улицкой, и, в отличие от женской прозы 1980-90-х гг., это благополучное существование героев в рамках абсолютного родства людей, близких по духу (Абашева, Воробьева 2007: 103). Так и в романе «Медея и ее дети» очевидна общественная функция семьи. Другая особенность в изображении семей Л.Е. Улицкой – роль матери, которая является соединительным источником силы, каковой выступает Медея в романе «Медея и ее дети». (Rosenholm, Rytkönen 2012: 231-232.) Часто семья в произведениях Улицкой является микрокосмом человечества, это относится к тому, что семья представляет, по Улицкой, миниатюру вселенную. Иными словами, семья – миниатюра человечества. (Sutcliffe 2009и: 497.)

Для Улицкой значительными источниками сохранения семьи являются человеческие отношения, которые включают политические события как скрытую тенденцию истории. Таким образом, семья – отчасти с сильными связями с восточным или еврейским вариантом – является одной из форм памяти для Улицкой. (Sutcliffe 2009а: 102-103.) В произведениях Л. Улицкой для героев характерна сильная тоска по коллективности. Эта коллективность видна также в описании семьи в произведениях Улицкой, так как скорее всего семья – сообщество, а не только брак двух индивидуумов. Однако на самом деле герои могут выбрать, к какой группе принадлежать. Так, свобода выбора и терпимость являются ключевыми вопросами текстов Л.Е. Улицкой. (Salminen 2012: 258-260.) Главными темами в ее произведениях являются частная жизнь героев и семейные истории (Новаковска 2012: 239). Биологическая и культурная наследственность – важные темы в ее произведениях.

Для писательницы характерно изображать жизнь людей в длительной перспективе, и, например, в романе «Медея и ее дети» видны некоторые особенности семейной хроники. (Salminen 2012: 258-260.)

Еврейская тема – одна из важных тем для изображения семьи в произведениях Людмилы Улицкой, отчасти, возможно, потому, что у нее самой есть еврейские корни, и в своих текстах она регулярно обращается к ранее преданной анафеме теме еврейства в советском обществе (Barker, Gheith 2002: 309). Данная тема появляется и в романе «Медея и ее дети», а также в других произведениях Улицкой, в которых она представляет персонажей-евреев, преследуемых во время позднего сталинизма, и сквозь призму вынужденного сосуществования соседей-интеллектуалов и с рабочими. (Sutcliffe 2009a: 102-103.) Но, вообще говоря, политика и события государственной важности не самые главные темы для нее, как далее отметим, изучая романа «Медея и ее дети» (Новаковска 2012: 248). Яна Новаковска полагает, что типы женщин советской эпохи Людмилы Улицкой «помещены в псевдоэгалитарную гендерную систему и поэтому борются за свой идентитет, чувствуя, что советский социум не является для них родной и натуральной сферой существования» (там же: 248).

Проза Людмилы Улицкой вообще вращается вокруг женщин и их сложных судеб (Shneidman 2004: 130). В своих произведениях она описывает частную жизнь женщин и их семей в советскую эпоху. Роль женщин показывается как бы традиционно, и, например, женщина даже является главой семьи, как Медея в романе «Медея и ее дети». Но, с другой стороны, Улицкая допускает женщинам в ее произведениях быть самостоятельными и либеральными. (Новаковска 2012: 248.) Женщины Л.Е. Улицкой являются носительницами семейных ценностей, таких как любовь и верность (там же: 245-246). Людмила Улицкая также изображает сексуальность женщин в своих произведениях, например, в повести «Сонечка» (Barker, Gheith 2002: 303). И на самом деле она видит женскую сексуальность как частный рост женщины (Sutcliffe 2009a: 108). Профессия Улицкой как биолога-генетика, специалиста по биологической наследственности, проявляется в ее произведениях так, что женская телесность лишена магии, живой теплоты, души – другими словами, это «анатомический атлас» женского тела (Абашева, Воробьева 2007: 105).

Из постсоветских авторов Людмила Улицкая оригинально представляет понятие «быт» в своем произведении. Это происходит при изображении бральной жизни женщин в качестве повседневного явления, где семьи связаны эмоциональными или духовными связями, которые объединяют различные области. (Sutcliffe 2009a: 100-101.) В основе сюжета произведений Улицкой часто лежит бытописание отдельной семьи и соответственно осмысленная проблематика семьи, рода, пола, болезни и смерти, является основной темой для всех произведений, это можно видеть и в романе «Медея и ее дети» (Абашева, Воробьева 2007: 103). «Быт» в ее произведениях показывается через повседневную жизнь женщин и таким образом указывает нам подлинную, настоящую натуру человека (Sutcliffe 2009a: 101). Она считает, что само понятие «быт» является ценным художественным ресурсом текста (там же: 120). Она объясняет, что ее отношение к повседневности приходит из двух, очевидно, разных дисциплин: биологии и прикладной антропологии, которые обе основываются на сборе деталей для построения более общих теорий. Писательница пытается сделать понятие «быт» разносторонним, мастерски изображая повседневность. (Sutcliffe 2004: 168-169.) Яна Новаковска считает, что ее реалистическое описание бытовых деталей вызывает тоску по советскому времени, хотя в произведениях явно ощущается антисоветский настрой, как и у персонажей, так и, может быть, у самого автора. Людмила Улицкая – мастер бытописания современной русской литературы, наполняющий мир своих произведений бытовыми деталями. (Новаковска 2012: 239-240.)

Большая часть сюжетов произведений Людмилы Улицкой обращается к советскому прошлому. Она заинтересована в судьбе простых людей, которые находятся за пределами мейнстрима общества. (Shneidman 2004: 130.) Таким образом, она дает голос «разным» и «другим». (Rosenholm, Rytönen 2012: 231–232.) Она видит простого человека, но не обращает внимание на внешний вид их, так как для нее важнейшими оказывается внутренний мир человека (Clowes 2011: 138-139). Людмила Улицкая как писательница является метким наблюдателем – она изображает жизнь своих героев, но не морализирует и не вмешивается в нормальный ход событий повествования. (Shneidman 2004: 130). Она хочет в своих текстах показать связь всех людей в мире, иначе говоря – она пытается целенаправленно найти объединяющее всех людей общее качество. Именно эта черта, типичная для неё, делает ее искусство таким решающим для ведущегося в России диалога о русской национальной идентичности. (Clowes 2011: 138-139.)

Критики считают прозу Улицкой случаем «женского письма», литературой для всех и женской бытовой литературой (Абашева, Воробьева 2007: 101). Отметим четыре причины, отмеченные Бенджамином Сатклиффом, почему Людмила Улицкая успешна среди интеллигенции и «обыкновенных» читателей. Во-первых, тонкое и деликатное включение прошлого. Во-вторых, стилистическая изысканность (например, большой словарный запас) внутри реалистического стиля представления, который доминировал в двадцатом веке в русской прозе. В-третьих, художественное обращение к повседневной жизни (вышеупомянутые понятия «быт» и «бытописание»). В-четвертых, главные герои, чьи жизни предполагают, что можно пережить трудные времена, сохраняя этические стандарты. (Sutcliffe 2004: 176-177.)

Наконец, мы хотим подчеркнуть некоторые пункты, которые мы уже ранее представляли более подробно. Людмила Улицкая – одна из значительных писательниц русской литературы, которая укрепила свое положение в русской литературе после советского периода. Центральными темами в произведениях Улицкой являются семья, женщины и бытовая жизнь. Для Улицкой характерно изображать жизнь людей в длительной перспективе, как в романе «Медея и ее дети». Большая часть сюжетов произведений Людмилы Улицкой обращается к советскому прошлому. Она вообще описывает частную жизнь женщин и их сложные судьбы. Понятие «быт» – это объединяющий фактор в произведении Улицкой, и она сама считает это ценным художественным ресурсом текста.

2.3. Роман «Медея и ее дети»

Роман Людмилы Е. Улицкой «Медея и ее дети» был опубликован в 1996 году. Данный роман представляет собой семейную сагу, хронику, в котором Медея Мендес – один из главных героев. Книга основывается на воспоминании Медее о своей жизни и рассказе разных поколений ее рода, через которые открывается точка зрения на историю в Советском Союзе. Роман охватывает большую часть 20 века, но не оказывается политическим, основное внимание уделяется судьбе человека – смыслу, являющемуся типичным в творчестве Л. Е. Улицкой.

Медея Мендес, урожденная Синопли, – крымская гречанка, похожая лицом на женщин с портретов Гойя. Она является хранительницей своего рода, который распространился в разные уголки Советского Союза, но все-таки весной и летом родственники собираются в доме Медеи в Крыму. У Медеи нет детей, хотя название книги намекает на другое. Несмотря на это, Медея – фигура матери, потому что она заботилась о детях своих сестер и братьев как своих собственных. Она является старейшиной рода, которая живет даже выше, чем другие – в труднопроходимых горах Крыма. Медея – умная и благородная женщина и острый наблюдатель.

Сюжет романа сложный и иногда трудно понять, какие вещи важны для всего рассказа. Сюжет не развивается постепенно и хронологически, потому что в романе герои много вспоминают свои истории и таким образом роман очень похож на реальную жизнь. Однако личная история каждого героя умело сплетается с основным сюжетом книги, и все так или иначе связаны с Медеей. Главное событие романа – визит родственников весной или летом к Медее в Крым, так что центральное место – дом Медеи. Во время визита Медея следит за любовными историями, разочарованиями, страстями и спорами родственников.

В романе можно видеть две драмы трёх персонажей – одна относится к Медее, ее мужу и сестре Александре, и другая к Нике, Маше и Бутонову. Когда Медея выяснила, что у ее мужа и сестры была любовная связь, она порвала отношения со своей сестрой, и только самоубийство Маши спустя много лет соединяет их. Самоубийство Маши – трагическое событие и поворотный момент романа, несмотря на то, что оно случается в конце книги.

Повествование романа типичное для Людмилы Улицкой – реалистическое и похожее на настоящую жизнь. Автор сосредоточивается более на создание образов романа, чем на сюжет, и, как мы ранее уже упоминали, сюжет книги «Медея и ее дети» неясный. Все-таки повествование – легкое, и Людмила Улицкая оставила место для воображения читателей. При чтении этой книг читателю откроется необъятный мир человеческой души. Особенно атмосфера, которую писательница описывает, является легкой и светлой. Изучение романа возможно с разных точек зрения, например, кого-то

заинтересует широкий круг образов рассказа и их психология, а кого-то – различные пространства и места, описанные в романе. Нас интересует второй аспект.

3 Теоретические основы

В данной главе мы представляем основные теории нашей работы. Теорию мы делим на четыре основные части. Другой важный аспект рассмотрения, с которым мы встречаемся в настоящей работе, – это «гендер», понятие, которое мы не можем избежать, исследуя роман «Медея и ее дети». Потом мы переходим от общего к более детальному уровню представления теории пространства, сочетая центральные понятия с концепцией пространства. В данной части мы также исследуем понятие литературной картографии и хронотопа, которые мы будем использовать в анализе, рассматривая роман.

3.1. Пространство

В настоящем разделе мы рассмотрим некоторые общие пункты терминов пространства. Мы представляем работы исследователей культурного, семиотического пространства, таких как Роберт Талли и Дорин Месси и их взгляды на пространство с теоретических позиций. Целью данной дипломной работы – представить по возможности центральные аспекты, которые мы считаем важными для нашего анализа.

3.1.1. Пространственность и пространственный поворот

Концепт «пространственность» стал все более важным в литературных и культурных исследованиях, пишет Роберт Талли в своей работе «Spatiality», предлагая новый критический подход к исследованию пространственности. Талли рассматривает разные аспекты пространственности в литературных исследованиях наших дней. Мы сосредоточимся на представлении пространственного поворота, анализа пространственности с критической точки зрения и дадим краткий обзор работ главных теоретиков, исследующих категорию пространственности. Таким образом, теория пространства и, в частности, работа Талли будут основными для нашего исследования. (Tally 2013.)

Пространственный поворот свидетельствует о том признании, которое пространство, место и картография (mapping), не представленные в прошлом, играют важную роль в литературе и литературной критике. Пространственный поворот в том виде, как Талли его рассматривает, – это поворот к самому миру и к пониманию наших жизней, находящихся в мобильном наборе социальных и пространственных отношений, которые так или иначе должны картографироваться. (Tally 2013: 16-17.) Пространственный поворот – поворот к более теоретическому и критическому пересмотру пространства, которое отмечают в публикации исследователи и другие специалисты (Ganser 2009: 58).

Дорин Месси утверждает, что пространство связано с социальными отношениями, и оно социально структурировано. Речь сегодня в мире идет о том, каким образом меняются формы пространства социальных отношений, то есть как социальные отношения, важнейшие для формирования пространства, меняют сами пространства и места. Пространство символично, потому что оно включает в себе сеть сложных отношений власти, подчинения, солидарности и сотрудничества, и именно это свойство, быть символичным, сближает социальное пространство с художественным пространством, которое существует внутри текстов литературы. (Massey 2008: 57-58.) Например, повседневные пространства, как дом, не просто отражают социальные отношения, но и активно производят и воспроизводят их (Ganser 2009: 61). Дом только здание до того, когда кто-то переезжает туда и он становится жилищем этого человека. Отсюда вытекает, что дом получает свое особенное значение для всякого его обитателя, жителя. Социальное пространство всегда включает в себе символическое пространство, так как общество строится через символические формы классификаций и ощущений (Ganser 2009: 19).

Согласно Дорин Месси, пространство состоит из общественных отношений, которые никогда не находятся на месте – они динамичные. Мир включает в себе многие пространства, потому что прежде всего общественные отношения испытываются иначе разными наблюдателями. (Massey 1994: 2-3.) Одна из самых значительных мыслей Месси, на наш взгляд, в том, что концептуальное представление пространства не означает только техническое определение, а оно касается одного из самых важных способов, как мы испытываем и осмысливаем мир (Massey 2008: 35). Итак, мы обращаемся к социальной структуре пространства, потому что пространство формируется через взаимодействие.

Пространственный поворот подчеркивает именно переходный период, когда пространство было представлено в литературоведении более широко, и литературные критики признали важную роль пространства. Пространство является социальной морфологией и жизненным опытом. По нашему мнению, важно обратить внимание на наблюдения Месси, что концептуальное представление пространства – один из самых важных способов, как мы испытываем и осмысливаем мир.

3.1.2. Пространство и место

Один из центральных пунктов данной теории – это нахождение разницы между пространством и местом. Пространство построено из социальных отношений и взаимодействий друг с другом. Согласно Дорин Месси, места выступают как определенные моменты в таких пересекающихся социальных сетях, которые, со своей стороны, в течение времени были построены, усилены друг другом и приспособлялись друг к другу и вновь разрушались и воссоздавались. Незамкнутые, сквозные места совсем не ограниченные, закрытые зоны, но открытые и прозрачные, транспарентные сети социальных отношений. Их идентичность построена через свои особенности взаимовлияния с другими местами. Идентичность места, его социальная структура, политический характер и «локальная» культура – также продукт взаимодействия. (Massey 1994: 120-121.)

Вообще существует общее представление, что значит *место*. Обыкновенно, думая о месте, его представляют физическим и таким, которого можно касаться. Но сейчас нам надо расширить наши представления о месте. Вместо того, чтобы понимать место как ограниченную зону, его можно воображать как момент в сети социальных отношений и пониманий. Очевидно, что места не имеют только одной, особенной идентичности, а они полны внутренних конфликтов. Специфичность места постоянно воспроизводится, но это не специфичность, которая является следствием долгой, ассимилированной истории. Место – это смешение более широких и локальных социальных отношений. (Massey 1994: 154-156.) Место образуется из социальных связей, которые взаимодействуют в каком-то расположении (там же: 168). Примечательно, что идентичность места всегда построена в отношении прошлого (там же: 8). Короче говоря, место изменяется со временем. (Massey 1994: 120-121.)

Дорин Месси представляет нам некоторые проблемы, касающиеся места. Во-первых, определение места обнаружило бы проведение требуемых границ. Это будет легким способом, при помощи которого можно построить антагонизм между «нами» и «другими». Другими словами, для того чтобы иметь возможность определить место, сначала должны быть определены способы найти границы, потому что нет мест без границ или тогда его невозможно устанавливать. Во-вторых, места обычно отождествляют с обществом, но из-за глобализации сегодня уже бывает редким факт, что в одном месте существует только одно общество. (Massey 2008: 26-28.) Нам кажется, что Месси имеет в виду, что границы стран более или менее открыты и граждане многих стран передвигаются повсюду, так больше не могут рассматриваться место и страна как то же самое.

«Дух места» – понятие, которое Роберт Талли вводит в своей книге «Spatiality», интересно и важно для понимания места. Все места имеют своих «духов места», которые показывают особенность данного места. Термин происходит от древнего слова «genius loci», то есть превалирующий характер, охраняющий известное место или превалирующая атмосфера места. Однако Талли отмечает, что «дух места» имеет мало общего с литературной картографией, а гораздо больше с таким феноменом, как читатели читают произведения. Иными словами, «дух места» связан с литературной географией. «Дух места» часто замечается читателем, читающим текст. (Tally 2013: 81.) При чтении текста «дух места» появляется из картографии литературного текста автора; читатель использует этот «дух места» для того, чтобы придать настоящему, реальному миру воображаемую форму. (там же: 85.)

Ключевым фактором настоящего раздела является разница между местом и пространством. Место часто понимается как часть пространства, и такое его определение требует проведения границы, поддерживая отношения с движением через границы. Кроме того, место образуется из социальных связей. Все места имеют своих «духов места», показывая особенность данного места. Идентичность места построена через его особенности взаимовлияния с другими местами.

3.2. Литературная картография как рабочий инструмент в исследовании пространственности текста

В данном разделе мы применяем понятие пространства к литературе, следуя теории Роберта Талли и его интерпретации понятия «картография» (mapping). Сейчас мы хотим более подробно представить его взгляд на пространстве в литературе. Центральными концептами являются литературная картография, картограф, повествование и читатель карты.

Письменное описание (литературная картография) при помощи средств литературы есть способ показать, изобразить мир (Tally 2013: 50). Вообще литературная картография представляет такую форму чтения, которая сосредоточивается на пространстве и пространственности в данных текстах, а также предполагает обращение внимания на изменчивые пространственные или географические формирования, которые влияют на литературные и культурные производства (там же: 80). Общее понятие литературной картографии, посредством чего автор-творец или автор повествования участвует в деятельности, вполне подобно картографии. Талли обсуждает, что само письмо можно считать одной из форм картографии или картографической деятельности, потому что, как и картограф, писатель должен исследовать территорию и решать, какие характеристики, например, ландшафт, ему нужны, чтобы достичь желаемого. Фигурально выражаясь, задачей литературы является служить языковой и воображаемой картой. В процессе изучения литературной картографии карта представляет очень существенную часть, которая может складываться также из слов. (там же: 42-46.)

Иногда само повествование – процесс создания карты. Это, конечно, работает в обоих направлениях: повествование включает в себя картографию, но карта также рассказывает историю. Итак, взаимоотношения между пространством и письмом имеют тенденцию производить новые места и повествования. (Tally 2013: 42-46.) Пространство и повествование, таким образом, сливаются и потом появляются как часть более широкой литературной географии, которая, в свою очередь, становится основанием для собственной литературной картографии автора и предметом пространственно-ориентированной литературной критики (там же: 52).

Согласно Талли, повествование является одной из форм создания мира. Повествователь изобретает и открывает мир, изображенный в повествовании. Талли соединяет повествование со временем, потому что оно мощно сохраняет временный аспект. Рассказ влечет за собой временный характер сюжета – начало, середина и конец. Повествование часто дает значение для места, которое, в свою очередь, становится важной частью сюжета. Повествование также пространственное, и вышеупомянутые временные концепции – начало, середина и конец – могут указывать столько же на место или положение пространственной организации, как в моменты времени. Талли подчеркивает, что также сюжет оказывается пространственным, так как он одновременно и план, и на самом деле карта. (Tally 2013: 49-51.)

Взаимоотношение между пространством и литературой, картографией и писанием, описанием и повествованием, является интересным и комплексным аспектом изучения. Чтобы опознать место, кто-то картографирует его, другой же, в свою очередь, «прочитывает» его и повествует о нем. Литературное произведение наполняет воображаемое место, чтобы оно стало тем, чем оно должно быть. (Tally 2013: 50-51.)

Писателя можно считать картографом, так как и у того, и у другого есть многие похожие свойства именно в сфере процесса создания карты или произведения. Во-первых, писатель, так и картограф, должен определить, какие элементы включить в рассказ или карту. Из этого следуют другие вопросы, такие как: «Какие функции имеют рассказ или карту?», «Что я (писатель, картограф) хочу, чтобы читатель получил от моего произведения?», «Какие места являются стоящими, подходящими для описания?» «И что можно пропускать?». Такие вопросы важны для производства разных произведений. (Tally 2013: 50.) Литературный картограф, даже такой, кто работает в таких нереалистических способах, как мифы или фантазии, должен определить, будет ли его место соответствовать любому реальному месту в географическом мире или нет, в каком смысле и насколько. (там же: 45.)

Решая эти проблемы, автору нужно также выбрать известные места или элементы повествования, которые придают повествованию значение, и поэтому литературная картография обязательно включает в себе вопрос о жанре. Роберт Талли утверждает, что

жанр сам – как бы карта. Жанры, как и карты, имеют основное значение в организации знания так, чтобы сделать вещи выразительными. У обоих есть общий фрейм, и карта выражает мир. Карта использует жанр и на самом деле сама является жанром, потому что она формирует различные куски данных в значимой целостности, которой нужно толковаться и пониматься читателем. Карта и жанр, оба структурируют этот мир, в то же время являются структурами вне мира. Интересно то, что жанры могут быть поняты в отношении их организации пространства и времени среди других элементов повествования. Прежде всего, жанры по существу – литературные институты или контракты между автора и специальной публикой. Жанр можно мыслить как путеводитель, откуда писатель употребляет или определяет элементы данного жанра. Обнаруживая эти элементы, читатель опознает жанр. Объединяющим писателя и картографа фактором является использование традиционных техник или стратегией в попытке предотвратить не дать читателю текста или карты заблудиться. (Tally 2013: 54-56.)

Талли разделяет реальное и воображаемое пространство. Пространства, представленные в романе, не могут быть такими же, как «реальные» пространства. Однако, по мнению Талли, это не останавливает истинных «поклонников» от попыток принести «реальные» места, например города, непосредственно в линию с «воображаемым» миром, который они исследовали в своих прочтениях. (Tally 2013: 52-53.) Для автора, как и картографа важно, что они оба устанавливают функцию рассказа или карты и его суженные значения. Также автору надо подтверждать, что в рассказе есть ключевые элементы, основные для понимания рассказа. Они нужны особенно для того, чтобы читатели получили достаточно информации для формирования общей картины пространств и мест, появляющихся в рассказе. (там же: 54.)

Несколько слов о читателе карты, который играет важную роль, толкуя текст как карту. Читатель карты – как читатель текста, так и литературной карты – воображает пространство, строит траекторию и как будто становится участником в мире, изображенного там. Более того, читатель не просто пассивное вместилище для пространственных сообщений, передаваемых карте или тексту, но он активно определяет часто изменяющиеся и переходные значения, которые нужно найти в карте. Талли полагает, что на литературную картографию писателя нам надо наложить литературную географию читателя, так как

критический читатель становится отчасти географом. И он, в свою очередь, активно объясняет литературную карту так, чтобы представлять новые, до сих пор непредвиденные картирования. (Tally 2013: 79.)

Талли видит писателя как картографа и литературное письмо как картографию, иными словами он показывает нам, каким образом они являются одинаковыми. В литературной картографии карта – естественная часть и представляет себя в словах. Литературная картография предполагает форму чтения, которая сосредоточивается на исследовании пространства и пространственности и в которой читатель, конечно, замечает места и пространства рассказа и как бы рисует карту в своей голове. Талли также пишет о повествовании в литературной картографии, так как оно часто дает значение места, отвечая на вопрос о том, чем оно примечательно для данного рассказа. Иными словами, место и рассказ часто неразрывно связаны друг с другом.

3.3. Отношение пространства и времени

В настоящем разделе мы продолжаем рассматривать отношения между пространством и временем. Нашими темами будут пространство и время. Отношение между пространством и временем важно для понятия хронотопа. Хронотоп уплотняет время и пространство, и это понятие нужно для нашей концепции пространства. Мы будем использовать концепцию хронотопа в аналитической части, где мы иллюстрируем его примерами, но здесь мы сосредоточиваемся только на основных аспектах концепта хронотопа.

Так как в хронотопе соединяются время и пространство, мы представим некоторые общие концепты времени-пространства. Дорин Месси, например, в своем исследовании «Space, place and gender» (1994) анализирует пространство, подчеркивая аргумент, что пространство и время – нераздельные концепции. Именно настоящий пункт является отправной точкой исследования Месси. (Massey 1994: 2-3.) Ей суть идеи именно в том, что время и пространство связаны друг с другом и их нельзя разделять. Время означает становление, в то время как пространство означает существование. (там же: 135-136.) По

Месси, «сжатие пространства-времени» значит движение и коммуникацию через пространство, географическое расширение социальных отношений и нашего опыта об этом. Время приравнивается к движению и прогрессу, а пространство с неподвижностью и реакцией. (там же: 147-151.) Время часто рассматривается как узловой пункт, который является чем-то привилегированным, в то время как пространство определяется такой характеристикой не обладает. (там же: 257.) Данный подход дуалистичен, против которого Месси возражает. Пространство не является статичным, время не является беспространственным (там же: 264). Обе категории, время и пространство, строятся как следствие отношений взаимодействия, интеракции, и таким образом пространство не может определяться просто «не-временем». (там же: 260-261.) Нам важно заметить, что пространство является не абсолютным, а относительным, и поэтому оно зависит от взаимоотношений между объектами. Вопрос не в том, что взаимоотношение между объектами происходит в пространстве и времени, а в том, что именно эти взаимоотношения сами создают и определяют пространство и время. Пространство рождается через данное взаимодействие. Месси считает, что надо перестать говорить о дихотомии (время против пространства). Время и пространство – не контрастные, а связанные между собой понятия. (там же: 50-55.)

Роберт Талли и Дорин Месси согласны в том, что время и пространство нельзя отделять друг от друга и что пространственность всегда связана с историей. Пространство подразумевает время и наоборот. (Lefebvre 1991: 118.) Время узнается и актуализируется в пространстве, становясь социальной реальностью благодаря пространственной практике. Также пространство узнается только во времени и через время. (там же: 219.)

Для нашего анализа ключевым понятием будет хронотоп. Бахтин представляет «хронотоп» (греч. *chronos* – время, *topos* – место) как существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, которые художественно освоены в литературе. Он понимает хронотоп как формально-содержательную категорию литературы. Бахтин выделяет литературно-художественный хронотоп, в котором имеет место слияние пространственных и временных категорий в осмысленном и конкретном целом. Он пишет в своей статье «Формы времени и хронотопа в романе», что

«Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп.»

(Бахтин 1975, www.)

Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение, и именно этот жанр и жанровые разновидности определяются хронотопом. В литературе ведущим принципом в хронотопе является время. Для Бахтина хронотопы – организованные центры для повествовательных событий рассказа. (Бахтин 1975, www.)

Хронотоп дает определение художественному единству литературного произведения в его отношении к реальной действительности, и так они всегда в произведении включает в себя ценностный момент. Хронотопическая ценность пронизывает искусство и литературу, и каждый мотив и выделяемый момент художественного произведения является такой ценностью. (Бахтин 1975, www.)

Хронотопы прямо связаны с сюжетом произведения, и они показывают нам как самые важные сюжетные события романа, так и ключевые пространства. Хронотоп принадлежит к основному сюжетобразующему значению. В романе может быть несколько хронотопов, так называемых *мелких хронотопов*, потому что они могут включаться друг в друга. Между данными хронотопами существуют взаимоотношения, общим характером которых является диалогический. Такой диалог входит как в мир автора и исполнителя, так и в мир слушателей и читателей. Эти миры также хронотопичны. (Бахтин 1975, www.) Хронотоп Бахтина, по Талли, еще один инструмент и для понимания, и для производства вышеупомянутой литературной картографии, потому что он сводит вместе пространство, время и жанр (Tally 2013: 56-58).

В заключении отметим некоторые главные пункты этой главы. Пространство и время связаны друг с другом, это не противоположные понятия. Пространственность всегда связана с историей, которая является временным аспектом теории пространства. Хронотоп

Бахтина – существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений («времяпространство»), который вращается вокруг главных событий романа. В романе может найти несколько хронотопов, которые имеют разные значения. Хотя понятие хронотопа Бахтина довольно старое и, кажется, дефинировано очень обще, свободно, также Роберт Талли признает хронотоп инструментом и для понимания, и для производства литературной картографии, которую мы ранее рассматривали.

3.4. Пространство и гендер

В данном разделе мы рассмотрим отношение между гендером и пространством. Настоящее отношение для нашего анализа важное, потому что главными героями в романе «Медея и ее дети» являются женщины. Таким образом, гендерный взгляд нужен для формирования общей карты. Ниже мы используем терминологию феминистского литературоведения, но в данной работе мы не исследуем его глубже, а только стараемся дать читателям общий обзор понятия гендера.

Гендер ссылается на женщин и мужчин, и, естественно, их физические различия, но также на культурные отличия, связанные с ними. На самом деле гендер содержит социальную гендерную систему и порядок, иными словами, отвечает на вопрос, как женщины и мужчины расположены по отношению друг к другу в культуре и обществе. Гендер вызывается в значительной степени через повседневное действие и представление культуры. (Saresma, Rossi, Juvonen 2010: 14.) Гендер имеет в виду также отношения, такие как отношения власти, иерархия и система, то есть не просто определения (их свойства), связанные с людьми (Rossi 2010: 22). Гендер представляет социальные отношения между полами. Вместо того, что гендер понимается только как анатомические свойства человека, он относится более к культурной конструкции, иными словами – социальному созданию представлений о соответствующих ролях женщин и мужчин. (Scott 1986: 1056.) Короче говоря, гендер – это важный элемент социальных отношений, основанный на воспринимаемых различиях между полами, и он является основным способом, означающим отношения власти (там же: 1067).

Вопрос связи гендера и пространства также отмечается в исследовании «Space, place and gender» Дорин Мессе (1994). Она утверждает, что гендерные отношения изменяются в пространстве. Пространство и место, оба важны для строительства отношений гендера. Пространство и место являются символическими по своему значению и несут гендерную информацию. Пространство и место – гендерные, и таким образом, конечно, они отражают и влияют на способы, как сам гендер рождается и как он понимается. Ограничение подвижности, передвижения женщин, их идентичности и пространства являлись в некоторых культурных контекстах решающим средством подчинения. Более того, есть два средства ограничения подвижности женщин: с одной стороны, ограничение мобильности в пространстве, попытки заключения в специфические места, и, с другой стороны, ограничение идентичности, являются кардинально связанными. Один самый очевидный пример такого совместного контроля пространственности и идентичности – различие между общественным и личным. Ограничение женщин домом выражало пространственный контроль, через который возникал социальный контроль идентичности. (Massey 1994: 178-180.) Мессе считает, что пространство и место, пространства и места, и наши ощущения о них являются насквозь гендерными. Эта гендерная дифференциация пространства и места отражает и имеет обратное влияние на то, каким образом гендер построен и понят в обществах, в которых мы живем. (там же: 186). Вообще, гендер очевидно определяют наш опыт пространства (Massey 2008: 19).

Естественно, существуют такие пространства, которые соединяют с только мужчинами или женщинами, утверждает Роберт Талли в своей книге «Spatiality». Он дает такой же пример, как Дорин Мессе: «дом» и «домашняя окружающая среда» испытываются более как пространства женщин, а «место работы» и «публичное место» как пространства мужчин. (Tally 2013: 133.) Конечно, мы можем спорить, можно ли также «дом» считать рабочим местом, например, если женщина остается дома с ребенком и заботится о нем и о доме? Мессе пишет, что вплоть до нашего времени женщины выступают как метафора природы и чему-нибудь потерянного, утраченного. Дом персонифицируется с женщиной и с этим связываются те же черты, как с женщиной/матерью/ любовницей. (Massey 1994: 10.)

Джиллиан Роуз исследует вопрос о гендере и пространстве более с феминистской точки зрения и объясняет, что география содержит невербализованные гипотезы, что

мужчины и женщины делают, и что порядок концентрируется в тех пространствах, местах и местностях, которые видятся как владение мужчины (Rose 1996: 2).

Даже время-пространство является гендерным. В противопоставлении времени и пространства Дорин Месси видит то, что пространство все еще кодировано как женщина. Когда время рассматривается как динамизм, дислокация и история, пространство является застоем, пространство видят как женщину и как нечто неценное/малоценное/бесполезное. (Massey 1994: 258.)

Итак, ключевыми темами этого раздела были гендер, пространство и их отношения, представленные в исследованиях Дорин Месси, Роберта Талли и Александры Гансер. Понятие «гендер» включает в себя всегда социальный аспект. Пространство и место кажутся важными для строительства отношений гендера, через которые гендер строится и понимается. Месси и Талли приводили примеры гендерных пространств, например, таких как дом. Также сами время и пространство являются гендерными.

4 Аналитическая часть

В анализе наш главный вопрос обращается к понятию хронотопа и его значения. Для аргументации хронотопа нам важно описать дом Медеи и такие элементы в доме, которые делают его хронотопом. Поэтому мы кратко расскажем сюжет романа и представим героев, так как важно понимать социальные отношения между ними, а также их отношения к хронотопу. В настоящей работе мы рассмотрим хронотоп с разных точек зрения, потому что дом Медеи как хронотоп имеет многие значения. Не только дом – постоянное место, но он окружен движением, возникшим прибытием гостей Медеи. Таким образом выбранный хронотоп многообразный и тем самым интересный для анализа. В конце настоящей главы мы также обратим внимание на элементы и символику важнейших мест романа и истолкуем их на конкретном уровне.

4.1. Рассмотрение романа, его сюжета и героев

В данном разделе нам кажется важным более подробно рассказать о сюжете и героях романа, так как дальше будет легче понимать не только отношения между героями, но и их отношения к хронотопу и пространству. Понятия, которые мы используем здесь, – жанр, герой, нарратор и мотивы текста – стандартные понятия анализа литературы. Мы представим важнейшие мотивы для данного текста и рассмотрим, как они соотносятся между собой. Мы начнем с презентации жанра, который в данном случае является романом. Потом мы рассмотрим сюжет романа «Медея и ее дети» более глубоко и таким образом попытаемся сделать карту основных поворотных моментов. В главе 1 мы уже представляли героиню Медею, но в данном разделе нам надо представлять еще некоторых главных героев, так как это поможет читателю понимать отношения между событиями и персонажами. Мы разделяем настоящую главу на параграфы: рассмотрение романа и его сюжета и героев, и на формирование литературной карты из ключевых мотивов.

Литературный жанр текста «Медея и ее дети» – роман. В настоящем случае именно семейный роман или сага, история которой строится на изображении одной семьи или

одного рода и обращается к долгому периоду времени советских людей и семьи. Часто в семейной саге изображаются жизни многих поколений одного рода. Такой роман приносит с собой временный аспект, который на самом деле позволяет сделать описание довольно обширных социально-исторических периодов. (Nagy 1986: 9-11.) Хотя в романе «Медея и ее дети», конечно, такие периоды показываются, но Людмила Улицкая сосредоточивается не на политике и событиях государственной важности, а скорее на жизни ее героини. Характерно для семейного романа рассмотрение жизни человека в семье и наличия внутрисемейного конфликта и родственных отношений. В семейном романе решающим значением обычно «обладает характер связи личности с другими членами семьи, отношения между которыми, имея целый ряд особенностей частного характера, строятся по принципу движения от органического единства до разрыва». (Алламуратова 2014, www.) В центре семейного романа находится, конечно, семья. В основном все являются членами семейной группы, и через рождение все получает своих кровных родственников, которые обычно имеют большую роль в жизни человека. С другой стороны, семья создает основу для социальной жизни человека. Другими словами, семья – важный социальный институт. (Wilson 1985: 1-2.)

Жанр указывает форму литературных текстов с общими сюжетными и стилистическими характеристиками. (Shore & Mäntynen 2006: 13.) Роман считается современным литературным жанром, потому что он позволяет дать более полное описание современной жизни и легко усваивает в себе всякие литературные жанры (Luutikainen 2006: 175). В своем романе «Медея и ее дети» Улицкая сосредоточивается именно на описании современной обычной жизни. В романе сюжет играет ключевую роль. Роман – прозаический, художественный текст, состоящий из многих глав, он может быть разделен на несколько отдельных частей. Мы уже представляли мысли Роберта Талли, по которым сам жанр можно видеть как литературную карту. И так как в романе самое центральное – сюжет, нам кажется, что его надо кратко представить.

Читая романа «Медея и ее дети», надо обратить внимание на то, что сюжет романа не происходит в хронологическом порядке и поэтому читателю трудно следовать последовательно, но главным образом события романа происходят в советское время. Ниже мы собираемся показать ключевые события и сосредоточимся подробно на них и пространствах более, чем на всех образах романа. Роман можно разделить на две части:

первая часть сосредоточивается на событиях в доме Медеи, а вторая часть – на событиях в Расторгуеве и в Москве. Нам представляется, что именно женщины – героини и описание их жизни создает данный роман. Нарратор романа выступает как всезнающий, так как он рассказывает и видит все сам или он пересказывает, что видят другие. Нарратор старается показать нам внутренний мир героев. В разделе 1.2. мы рассказывали, что ни Людмила Улицкая не морализирует над своими героями и их выбором, ни, естественно, нарратор романа. Улицкая наблюдает героев таким же образом, как и Медея своих родственников.

Роман начинается с описанием главной героини Медеи Мендес, урожденной Синопли. Она родилась в Феодосии, которая была греческой колонией. Медея любит свой родной край и только два раза за свою жизнь уезжала из Крыма. Она живет одна, потому что ее муж уже давно умер, но ее дом в Верхнем поселке широко известен среди ее родственников, которые посещают ее по крайней мере один раз в год. Думая о пространстве и литературной картографии романа, нужно отметить что есть также Нижний поселок, но именно Медея живет в Верхнем поселке. Медея – самостоятельная женщина, как характерно для героев Улицкой. Религия и вера важны для Медеи и являются образом ее жизни, а в то время сестра Александра – от природы легкомысленная, хотя не совсем глупая, но «вот-вот улетит куда угодно и невеста за чем» (Улицкая 1996: 83.)

Событие визита родственников описывается в первой половине романа. Но прежде чем рассказывать больше об этом, в начале романа Медея вспоминает один случай, влияющим на конец романа, а именно приезд Равиля Юсупова из Караганды к Медее. Равиль не совсем незнакомый, он внук какого-то знакомого. Он рассказывает Медее, что он участник движения за возвращение татар в Крым. Об этом случае Медея пишет хорошей подруге Елене, но это письмо так никогда не отправляет, а много лет спустя Георгий находит его. Именно это письмо объясняет загадку неожиданного завещания, так как Равиль высказал Медее свою тайную просьбу, чтобы она купила ему дом в Крыму на имя Медеи, так как татарам домов не продают. Итак, Медея завещает ему свой дом.

Первые гости к Медее – племянник Георгий с тринадцатилетним сыном Артемом. Последние десять лет приходила Георгию такая мысль: «Бросить бы все к черту и купить здесь дом». В конце романа он так и делает. На следующий день приезжают Ника и Маша с

своими детьми. Катя и Лиза – дочери Ники, и Алик – сын Маши. Ника и Маша как сестры, хотя Маша – ранняя внучка Медеи, а Ника – дочери сестры Александры. Ника кажется более энергичной, чем Маша, которая послушна и уступчива. Эта вся компания выходит в море, куда ведут две дороги. Они выбирают дорогу, которая короче, но круче и трудней. К этой группе присоединяются еще Нора с дочерью Танечкой – соседи Медеи и Бутонов – новый житель и сосед Норы.

В романе представлены две драмы трёх персонажей – одна относится к Медее, ее мужу и сестре Александре, и другая к Нике, Маше и Бутонову. Обе драмы рассматриваются главным образом с точек зрения женщин. Эта вторая драма частью похожа на первую, но на самом деле она совсем разная. Наибольшее существенное различие – знания о любовной связи, так как Медея узнала о связи между мужем и сестрой только после смерти ее мужа, а Маша и Ника обе знают о своих связях с Бутоновым. Ника только хочет развлечься, но Маша влюбляется в Бутонова.

По нашему мнению, важно понимать поведение Маши больше, и поэтому мы расскажем несколько слов о ней. История Маши такая, что ее родители погибли в автомобильной аварии по дороге, захватив за ней, чтобы забрать от бабушки и бабушки. Она была тогда только ребенок и винила себя за то, что произошло. Ее бабушка не облегчила переживания Маши, а усугубила ситуацию настолько, что Маша нашла выход из данной ситуации. Выход был самоубийство. Но оно не удалось, и в конце концов Александра, сестра Медеи, взяла Машу к себе домой и заботилась о ней как о своей дочери. Ника также взяла ее под свое крыло, и они стали хорошими подругами.

История Маши и ее мужа Алика начинается, когда Алик случайно участвует в вечере, где читаются стихи несколько юных авторов. Маша – одна из этих авторов. После чтения Маши Алик приближается к ней:

– «Вы меня не узнали?»

Маша посмотрела на него с вниманием, но не узнала.

– Это не удивительно. Мы еще не знакомы. Я Алик Шварц. Я хочу вам сделать предложение.

Маша посмотрела на него вопросительно.

– Руки и сердца, – объяснил он с полной серьезностью.»

(Улицкая 1996: 226.)

Их брак совершается на беседах, и они переживут жизнь других дважды: один раз непосредственно, второй – в избранном пересказе. Их брак является необычным, так как они не дают друг другу обетов верности, а решают, что брак – союз свободных людей, чтобы они сохраняли свою независимость. Маша часто выражает себя через свои стихи, например, когда она первый раз стала неверной ему, она читала свое стихотворение Алику, который понимал, что происходило. Читая описание отношения Маши и Алика, у читателя ощущение вообще позитивное. Улицкая изображает их отношения как очень современные и открытые. Здесь мы можем обратить внимание именно на данное изображение и обдумать роль Маши – кажется, роль ее не традиционная, а здесь видится современная и самостоятельная женщина.

Но Бутонов – особенный случай, потому что Маша влюбляется в него таким образом, как раньше не была влюблена. К сожалению, Бутонов не чувствует то же, и у него существуют другие связи с другими женщинами, одна из них – Ника. В течение отпуска в Крыму муж Маши Алик получает хорошее предложение работы из Америки, и они с Машей и сыном готовятся к переезду. Но когда переезд приближается и связь с Бутоновым продолжается, Маша снова плохо спит и видит галлюцинации, как и в детстве. Алик и никто иной не может ее спасти, и она прыгает с балкона. Мы считаем, что любовь к Бутонову отнимает у Маши ту свободу, которая у нее была с Аликом. И в данном случае любовь сковывает Машу и доводит ее до смерти. В некотором смысле Маша среди героинь этого романа – самая слабая, но на самом деле самая интересная персона.

Ника сильно похожа на свою мать Александру, сестру Медеи, – они обе пользуются популярностью среди мужчин и испытывают разнообразные романы в течение своей жизни. Жизнь Ники – богатая и полная событий. Связь с Бутоновым является только для удовольствия Ники, и таким образом отличается от Машиной подлинной любви. Типично для Ники то, что она живет в настоящем моменте. Интересно, что Ника, в сущности, дочь Александра и Самуила Яковлевича, мужа Медеи. Конечно, этот факт Медея узнает только после смерти своего мужа. Кажется, Ника сама не знает об этом.

Валерий Бутонов родился в Расторгуеве, в месте, которое он позже восстанавливает. Именно в это время у него романы с Никой и Машей. Уже с раннего детства Бутонов является спортивно талантливый и его отправляют в спортивный клуб. Но проигравший в одном соревновании несправедливым способом, он переходит в цирковое училище, думая, что будет более свободным. Один случай меняет снова направление карьеры Бутонова; сын мастера Бутонова и воздушный гимнаст падает в процессе важного показа и остается неподвижным. После армии Бутонов зачисляет в Институт физкультуры на лечебный факультет. Там он встречается с Ольгой, покладистым и немного вялым математиком, и женится с ней. Во время одной командировки Бутонов встречает Розу, еврейку из питерской профессорской семьи, хотя сначала она кажется ему цыганкой. До сих пор Бутонов не интересуется женщинами, но после Розы он женщинам не отказывает. К сожалению, для Маши такой тип мужчины оказывается плохим выбором, потому что Маша не может понять его, как нам кажется.

Для Бутонова связь с Маши только заурядный южный роман, но Маша относится к нему более серьезно и пишет к Бутонову письма. Нике вся ситуация кажется забавной, и она думает, почему Маша влюбляется в такого «элементарного пильщика», как Бутонова. Но у Бутонова сложилось такое впечатление, что обе женщины знают о положении вещей и поделили дни недели, так как Маша обычно приезжает по выходным и Ника по будням. Конечно, тогда Маша еще не знает, что Ника также постоянно встречается с Бутоновым. В конце концов, Бутонов располагается в Расторгуеве со своей женой и дочерью. У них родился сын, которого он очень любит. И он меняет профессиональное направление от спортивной медицины и сейчас работает со спинальными больными. Здесь писательница опять представляет семью и ее «исправительную» роль в жизни некоторых людей, таких как Бутонов.

Итак, мы представили главных героев и свои наблюдения о романе, и в следующем разделе мы используем хронотоп дома как инструмент литературной картографии. Далее мы добавим пространственный аспект к нашему анализу, или, точнее говоря, хронотоп романа – дом.

4.2. Хронотоп дома

В данном разделе мы рассматриваем дом Медеи, его значение для героев и их отношения к дому и в дополнение рассказываем, почему мы выбрали дом как хронотоп. Сначала мы объясняем хронотоп и потом доказываем, как дом является хронотопом романа. Нам кажется интересным, как хронотоп возникает, какие элементы делают дом хронотопом и по каким причинам. И поэтому мы обратим внимание на детали, потому что они сами по себе рассказывают и пополняют хронотоп дома.

4.2.1. Каким образом дом Медеи является хронотопом?

Улла Саволайнен в своей статье «Kasvun tiellä ja muutosten kynnyksellä – Evakkorojan muistelukertomuksen kronotoopit» (2009) утверждает, что в хронотопе время и место соединяются в повествовании и целостность формы и содержания строит его значения. Говоря о романе «Медея и ее дети», следует указать, что временным интервалом являются 1900-е годы с главным акцентом на советскую эпоху. Рамкой романа является одна весна и лето 1970 г. – это внутреннее время романа, то есть время, когда происходят события вставной истории внутри романа. Итак, внутреннее время романа – 1970 г., потому что Маша умирает в 1977 году и главные события в Крыму происходят до ее смерти. Именно изображенное внутреннее время показывает значение дома и места Медеи для гостей – для многих это место отдыха. В хронотопе опознавательные знаки времени и пространства объединяются в понятное и конкретное целое. В данной работе такой хронотоп – дом Медеи, который оказывается важнейшим местом в романе: у него центральная роль в повествовании и для жизней гостей, посещающих его. Согласно Саволайнен, хронотоп делает возможным толкование повествовательных форм, относясь к времени и пространству как истинным значениям жизни рассказчика, а не просто организации текстуального мира. (Savolainen 2009: 1-2.) У каждого дома есть своя история и атмосфера.

Медея оказалась в этом доме, когда она и ее муж Самуил искали свой дом. Медея жила в Крыму всю свою жизнь, и она, и Самуил решили перебраться в Верхний Поселок,

когда они впервые попал в поселок осенью тридцать первого года. Увидев это место, Самуил сказал: «Пуп земли» (Улицкая 1996: 68), который обозначает средоточие всей, и именно в данном случае, его жизни. Это подтверждает нашу мысль, что дом – и центральное место, и центральная точка жизни человека. В тот день Медея и Самуил решили обменять «Медеино феодосийское жильё, остановленные за ней две комнаты Харлампиева дома, на старую татарскую усадьбу на самом краю Поселка, на отшибе» (там же: 68). Дом был их общий, и атмосфера там была любящая и спокойная. Оба, Медея и Самуил, были верующие, но главным образом сохранили свою веру в себя.

Мария Холмгрен Трой, исследуя хронотоп в своей диссертации «In the First Person and in the House: The House Chronotope in Four Works by American Women Writers» (1999) утверждает, что хронотоп действует на нескольких внутри- и межтекстовых уровнях. Специфические хронотопы связываются с особенными сюжетами. Хронотоп связан с историей, и он выражает мировоззрение. Иными словами, он воплощает или несет какую-то идеологию. Холмгрен Трой утверждает, что, хотя литературный хронотоп имеет некоторые черты, общие с литературной метафорой, образом и символом, его следует отличать от этих тропов. Она критикует определения метафор и других тропов Бахтина, что они излишне узкие, но, например, одна из самых важных разниц между хронотопом дома и домом как метафорой или символом – это особое значение хронотопа для временных, исторических и идеологических аспектов. (Holmgren Troy: 1999: 13-14.) Данные аспекты и элементы выявляются в доме Медеи, которые делают его хронотопом, например, известные обычаи дома или значение дома для гостей Медеи.

Как нами уже было отмечено выше, хронотоп может показывать идеологию и мировоззрение того, кого мы изучаем, через некоторые элементы. По этой причине нам кажется, что идеология дома рассказывает больше о жителях, чем о доме. Например, в жизни Медеи религия занимает большую часть, в частности, ее утренние заботы включают в себя молитву (Улицкая 1996: 39), порой же «ей было нетрудно встать в воскресенье до света, отмахать двадцать верст до Феодосии, отстоять там обедню и вернуться домой к вечеру» (там же: 10), она постится, когда должно. В романе описываются обычаи Медеи, такие как распорядок дома (который мы позже объясним), показывает не только напористый и систематический характер Медеи, но и то, что дом был заселен уже давно и там существуют

традиции делать вещи определенным образом, которую мы опишем в следующем разделе. С другой стороны, в доме видна экономность Медеи и умение ее использовать дары природы, когда она собирает травы и другие растения. В то же время видно уважение к традициям и культуре региона, не забывается и ее греческое происхождение. Это видно в внутренней отделке дома и именно кухни, где висит медная посуда, и в приготовление пищи: «обед варили в котлах, мариновали баклажаны в бочках, а на крышах пудами сушили фрукты» (Улицкая 1996: 48).

Бахтин представляет также вышеуказанные внутренние или «мелкие» хронотопы, такие как хронотоп встречи, дороги, «гостиная-салон», пороги и идиллии. Мы здесь прокомментируем нужные для нас хронотопы. В хронотопе встречи доминирует временный оттенок, и он отличается высокой степенью эмоционально-ценностей интенсивности. Связанный с ним хронотоп дороги имеет широкие рамки и обладает более или менее меньшей эмоционально-ценностей интенсивностью. Во-первых, дорога – место встречи, где пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразных людей, которые являются представителями всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей и возрастов. Во-вторых, дорога и путь имеют метафорические значения, например, «жизненный путь», «исторический путь» и т.д., но нам кажется самым важным отметить то, что время как бы вливается в пространство и течет по нему. Иными словами, дорога главным образом имеет значение течения времени, скорее всего, к изменению.

Размышляя о хронотопах, представленных Бахтиным, по нашему мнению, дом Медеи более соответствует хронотопу встречи, где многие и многообразные люди встречаются и их жизни пересекаются. Это особенно очевидно в доме Медеи, который посещают родственники и друзья. В доме Медеи существуют элементы хронотопа дороги и пути, потому что дом заключают в себе временные элементы – каким образом дом Медеи и местность Поселка изменяются в течение многих лет и исторических периодов, и пространственные элементы – дом находится в Крыму в Верхнем поселке. В дополнение дом Медеи – постоянное место, которое само внутри не так сильно изменяется, как мир вокруг его. Но нам кажется, что все-таки дом изменяется вместе с хозяевами и из-за смены власти, например, после смерти Самуила дом Медеи немного другой, потому что она там одна.

Обычно дом – убежище и место, куда люди поселяется и где они могут отдыхать. Дом – личное место и всегда исключительный, потому что дом – это те люди, которые делают его таким. В каждом доме свое расположение духа, которое жители сами создают. По нашему мнению, в доме Медеи оно открытое и сердечное. Мы говорим о доме Медеи, потому что в романе повествование сосредоточивается главным образом на времени после смерти Самуила, но и он использует слова «дом Медеи». Но нам кажется, что в романе настроение такое, что Медея всегда была глава дома и для Самуила. С этой точки зрения здесь необходимо выявить гендерный аспект. Медея на самом деле и хозяин, и хозяйка дома. Она также как бы «фигура матери» ее гостей, то есть родственников.

Медея и дом в значительной степени связаны друг с другом. Дом Медеи такой же, как и Медея сама. Медея – глава семьи и дома, она сама ответственна и за свою жизнь, и в некотором смысле за других, ведь она имеет большое влияние в жизнях родственников и друзей, то есть для всех, кто приходит к ней в дом. Она самостоятельная женщина и крепко стоит на своих ногах. Несомненно, что Людмила Улицкая здесь хочет нарушить границы традиционных гендерных ролей, представляя Медею, которая не зависит ни от кого. Опять видно, как писательница подчеркивает типичную для нее тему – самостоятельность женщины; в настоящем случае, конечно, дом Медеи является ее выражением. Как мы уже в разделе 1.2. отметили, для Улицкой семья – сообщество, в котором Медея является соединительным источником силы как дома. Иначе говоря, Медея представляется общественной матерью, которая собирает людей вместе и которая наблюдает за ними, не вмешиваясь в их дела. Часто семья в произведениях Улицкой является миниатюрой человечества, и таким образом Медея символизирует как мать вселенной, но вообще в романе «Медея и ее дети» ясно, что у женщин главные роли в своих семьях.

Дом – многозначное пространство, которое, прежде всего, в романе «Медея и ее дети» является местом встречи. В дом Медеи приходят и приезжают родственники, друзья и знакомые по всей страны. Ранее в теоретической части упоминалось, что пространство связано с социальными отношениями, и, по нашему мнению, это полностью осуществляется в доме Медеи. Люди приходят туда все со своими разными историями и происхождением и из разных поколений. Таким образом, это место не без конфликтов. Например, так описывается встреча двоюродного сестры и брата:

«Двое из присутствующих обменялись сухими кивками – Артем и Катя. Когда-то они, как теперь Лиза с Аликом, тоже страстно любили друг друга, но пару лет назад все разладилось. Катя сильно выросла – и между ними пролегла пропасть полового созревания. – Артем, в душе глубоко обиженный прошлогодней отставкой, совершенно им не заслуженной, хотя и ждал Катю до изнеможения.»

(Улицкая 1996: 45.)

Цитирование можно толковать вообще так, что когда родственники Медеи встречаются много времени спустя, эта встреча включает в себя известные ожидания и напряжения, которые производят конфликты, несмотря на то, что они рады видеть друг друга. Главным образом выше видно, как время влияет на молодых людей, таких как Катя и Артем, потому что их рост и развитие более заметно, чем во взрослых. Неизбежно дом Медеи – такое место, где возможно «разрядить атмосферу».

В другом примере изображается, как разговор между двоюродными сестрами и братьями продолжается и кто заинтересован в чем-нибудь:

«Георгий – новостями столичными всегда интересовался и теперь пытался их выудить из родственниц. Но Никин рассказ все сбивался либо на нее самое, либо на семейные сплетни, а Маши – политику. Впрочем, время было такое: с чего бы ни начинался разговор, кончался с понижением голоса и повышением накала страстей политикой.»

(Улицкая 1996: 49.)

Здесь можно представить два вывода. Во-первых, политика в то время, в 1970-х годах (данный случай происходит до смерти Маши, то есть до 1977 года), несомненно, пробуждала различные чувства. Это был период застоя, когда было запрещено критиковать общественный строй и поэтому разговаривали шепотом, так как никогда не знали, кто кого выдаст. В то время диссиденты были упрятаны в психиатрических больницах или препровождены в тюрьму. Маша относится к политике страстно и заинтересованно, а Ника спокойно и даже равнодушно. Маша – художница и поэтесса, для которой свобода слова значит много и она хочет выразить свое мнение и даже чувствует, что обсуждение – обязанность всех. Ника, с другой стороны, близка к миру политиков и знаменитых людей и

знает, кто с какими сталкивается трудностями. В романе были упомянуты песни Окуджавы¹, которые тогда все пели, также и Ника, но песни, например, не нравятся Георгию из-за «романтической прелести», «были пленительны, против воли вползали в душу» (там же: 118).

Во-вторых, Медея выходит из комнаты, когда разговор поворачивается к политике, на что Маша сердится, говоря: «– Ну вот, видите – уж на что наша Медея великий человек, кремень, а все равно запуганная. Слова не сказала и ушла.» (Улицкая 1996: 49.) То ли дело было в том, что Медея устала или причиной был тот факт, что тема политики не интересовала ее. Нам кажется, что Медею вообще политика не интересует, потому что в романе описывается даже смерть Сталина и об отношении к этому Медеи пишется следующим образом: «..но оставалась вполне равнодушной к этому событию» (Улицкая 1996: 178). Улицкая изображает период застоя через повседневную жизнь героев, которая, несмотря на всю негативность, соединяясь с застоём, показывается неожиданно хорошей и положительней. Герои Улицкой не боятся жить, хотя в то время за всеми следят. Улицкой удается описывать способность человека находить счастье в маленьких делах, таких как однодневной прогулка на пляж.

Дом как пространство и место всегда имеет элемент времени – время формирует дом, и дом меняется с течением времени. Таким образом, он такое место, где рассказы и истории гостей и жителей все оставляют свои следы. Дом Медеи имеет различное значение для каждого, потому что чувство, каким образом герой относится к дому, всегда субъективно. Для каждого человека дом означает разные вещи. Например, Медея относится к своему дому так, что это ее государство, а для Маши это главным образом место отдыха и место, в климате которого нуждается ее сын из-за его болезни, астматического бронхита. Однако всех гостей объединяет то, что они всегда возвращаются обратно в дом Медеи. Нам представляется важно обсудить, по каким причинам люди туда возвращаются, и мы вернемся к этим причинам далее в разделе 4.2.3. Нас также интересует, что герои там ищут и что дом представляет для них? На наш взгляд, дом Медеи – место защиты и спокойствия, иными

¹ Булат Окуджава – поэт, композитор, и его песни были популярны; он критиковал политику государства и поэтому долгое время не был официально признан и его произведения не публиковались (Prominent Russians: Bulat Okudzhava, www).

словами – оно постоянное место. Родственники и друзья ищут там единства и чувства принадлежности к семье Медеи. В большинстве случаев люди имеют фундаментальную потребность принадлежать куда-нибудь, и в данном произведении это семья/род Медеи. Присутствует также желание узнать больше о своих греческих предках и культуре, так как семья Синопли переехала как мигранты когда-то в Феодосию в греческую колонию.

В следующем разделе мы рассматриваем дом Медеи более подробно и приведем примеры.

4.2.2. Изучение дома Медеи

Сейчас мы описываем дом Медеи и некоторые детали, связанные с ним, чтобы получить общее представление и попытаться нарисовать карту. Сначала мы представляем дом и двор, а потом расширяем исследуемое пространство снаружи дома и двора.

Четырехкомнатный дом Медеи стоит в самой верхней части Поселка. Медея жила там так долго, что «для местных жителей Медея Мендес давно уже была частью пейзажа. Если не сидела она на своем табурете в белой раме регистратурного окна, то непременно маячила ее темная фигура либо в восточных холмах, либо на каменистых склонах к западу от Поселка» (Улицкая 1996: 10). Медея знает всю округу и ходит и собирает всякие нужные и натуральные ингредиенты как травы. Согласно Медее, крымская земля всегда щедра к ней. Обыкновенно зимами дом Медеи – одинокий и молчаливый, но к середине сезона зимних каникул там набивается много гостей из Коктебеля или из Судака. И даже иногда молодые люди ставят неподалеку палатку и шумят новой музыкой. А летом приезжают родственники с детьми, и, хотя Медея привыкла к этим визитам, она все время удивляется, почему ее прожаренный солнцем и продутый морскими ветрами дом притягивает все это разноплеменное множество – из Литвы, из Грузии, из Сибири и Средней Азии.

В романе указывается, что дом – «теткины уголья», которое, конечно, обозначает, что дом именно пространство Медеи и она там владелица. Интересным является то, что на

самом верху теткиных угодий существует деревянная будка уборной как сторожевая башня с отскобленным деревянным сиденьем, сделанным покойным Мендеса, и откуда открывается удивительный пейзаж. Там на стене висит выцветшая картонная инструкция по пользованию уборной, заканчивая словами «Уходя, оглянись, чиста ли твоя совесть...» (Улицкая 1996: 20). Эта цитата двусмысленная и даже смешная, принимая во внимания контекст и место, и может указывать на то, что или нельзя совершить грех или нельзя делать неправильности, или человеку надо помнить убирать за собой деревянное сиденье.

Интересным является тот факт, что у этого дома, кажется, есть свой собственный «дух», который появляется в изображении дома. Например, когда родственники Медеи приносят с собой подарки, это событие изображается так: «Момент был ритуальный. Каждый приезжающий привозил подарки, и Медея принимала их как будто не от своего, имени, а от имени дома» (Улицкая 1996: 19). «Дух дома», конечно, подтверждает наш довод, что дом – хронотоп романа. Как будто гости хотели поблагодарить Медею, чтобы они могли остаться у нее, но Медея нетребовательна и считает, что скорее всего дом заслуживает похвалы. И ко всему прочему в доме существуют некоторые обычаи и правила внутреннего распорядка, такие как: после захода солнца не ходить к колодцу. Уходя из дома, его запирают и ключ кладется в условленном много лет тому назад месте, потому что неожиданных гостей всегда ожидают. Кажется, что двери всегда открыты для гостей и таким образом дом Медеи не является частным пространством, а даже приглашает всех в гости. Идея здесь такая, что мир приходит в дом Медеи, а не наоборот. Как мы помним, Медея почти никогда не уходит из своего дома. Привычкой дома также является то, что ужин подается обыкновенно между семью и восьмью, чтобы ужинать вместе с детьми, которых потом рано укладывали спать и к ночи снова собирались за поздней трапезой. В романе представляется ясное отличие между взрослыми и детьми и создается такое впечатление, что все знают свои роли. Нам кажется, что все данные примеры поддерживают наш взгляд, что здесь дом – значительное место и даже роль его приближается к человеку или герою романа: к нему проявляются уважение, ему приносятся подарки и о нем заботятся, не говоря уже о том, что в романе рассказываются обычаи и распорядки дома, не Медеи. Причина, почему мы описываем таким подробным способом дом Медеи и некоторые его детали в том, что, по нашему мнению, именно эти вещи центральные для обоснования тезиса, почему дом является хронотопом настоящего романа.

Комната Медеи для всех приезжающих – святая, и никто туда не входит без особого приглашения. Можно сказать, что ее комната является единственным местом во всем доме, где другим нечего делать. Утром Медея обычно застилает свою постель, складывая подушки и одеяла в сундучок у изножья кровати и бормочет коротенькое утреннее правило из совершенно стершихся молитвенных слов. В комнате есть зеркало и слева от него – фотографии, из одного смотрит на нее молодая пара (она и Самуил) и из другого Самуил – этот портрет с траурной ленточкой в углу был последней его фотографией при жизни. Медея уже давно овдовела, но хранила верность образу вдовы в черных одеждах даже после того, когда узнала, что ее муж изменял ей. Нам представляется, что жизнь Медеи кружится вокруг повседневных будничных дел, и она счастлива своей жизнью в Крыму и не тоскует по отправлению из дома, хотя все вокруг нее путешествуют.

Как и в большинстве других домов, центральное место в доме Медеи – кухня, и особенно летняя кухня, куда Медея обычно перебиралась в начале мая, но если весна была ранняя и погода теплая – даже ранее. Таким образом, описается кухня: «..была сложена из дикого камня, на манер сакли, одна стена упиралась в подрытый склон холма, а низенькие, неправильной формы окна были пробиты с боков» (Улицкая 1996: 25) и с потолка висит керосиновая лампа и пол кухни – глинобитный. В кухне Медеи родственники и друзья собираются и общаются друг с другом. Еда соединяет их вокруг одного стола. В кухне с потолочной балки свисают ровные пучки трав, которые Медея собирала раньше, татарская медная утварь стоит на высоких полках, и в углах огромные казаны были сложены стопкой. И на всем лежит медный кунган. В доме Медеи кофе обычно варится турецким способом и подается в маленьком медном кофейнике, который стоит в середине стола на невычищенном подносе. Несмотря на тщательный характер Медеи, она не любит чистить медь. (там же: 39-41.) Здесь надо обратить внимание на татарские или турецкие элементы кухни, например, на татарскую медную утварь или на турецкое кофеварение, которые отражают типичную тему для Людмилы Улицкой – культурное многообразие. И, конечно, не забывая, что татары были долго отвергнутым меньшинством в Крыму.

Усадьба дома – ступенчатая, террасами, колодец находился в самом низу. Там между большим орехом и старым айлантом есть натянута веревка. Колодец, куда надо сходить за водой, является глубоким каменным резервуаром, сложенным татарами. В этом наливном

колодце хранилась привозная драгоценная вода, которая во время вышеупомянутого визита Георгия и других родственников Медеи стоит низко. Вода – мутная, но для Георгия крымское безводье было не в диковинку. Георгий думает: «Надо будет артезианскую скважину пробить». (Улицкая 1996: 38.)

Интересной маленькой деталью является то, что дверная коробка дома Медеи по бокам вся иссечена многочисленными зарубками – дети метили рост (Улицкая 1996: 18). Конечно, мы помним, что у Медеи нет своих детей. Все же в доме видна важность молодых родственников и их визита. Дом Медеи значительный не только для Медеи, но и для родственников и друзей как место встречи и проведения время вместе. В романе отношение Медеи к ней родственников изображается следующим образом:

«Спустя много лет бездетная Медея собирала в своем доме в Крыму многочисленных племянников и внучатых племянников и вела над ними свое тихое ненаучное наблюдение. Считалось, что она всех их очень любит. Какова бывает любовь к детям у бездетных женщин, трудно сказать, но она испытывала к ним живой интерес, который к старости усиливался.»

(Улицкая 1996: 13.)

Вышеупомянутое – один способ, каким образом история людей, посещавших дом Медеи, оставляет свой след там. Людмила Улицкая описает различными способами материнство Медеи и отвечает на вопрос, как быть матерью без своих детей. Писательница сама не анализирует этот вопрос подробнее в романе, как в цитате видно, а через описание жизни Медеи намекает, каким образом материнство Медеи возникает и появляется. Это, конечно интересный вопрос, в который здесь мы дальше не углубляемся.

В данном разделе мы рассматривали многие детали дома Медеи, которые, по нашему мнению, делает его хронотопом романа. Мы считаем, что дом имеют свой дух и сущность, там существуют свой распорядок и собственные правила. Дом всегда похож на своего хозяина, например, в доме Медеи есть вещи и элементы, отражающие ее характер и важные для нее представления. Дому соответствует фраза: «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят», которая в данном контексте значит, что в доме другого человека надо почитать

обычаи этого дома. Это очень ясно видно при чтении романа, и, как мы полагаем, выясняется из описания дома выше, где мы рассказывали об обычаях дома. В следующем разделе мы рассмотрим движение людей вокруг дома Медеи, а именно отправление и прибытие.

4.2.3. Противоположность дома – отправление и прибытие

Дом Медеи – место, куда люди приходят проводить время с Медеей или отдыхать в ее доме в Крыму, но вместе с тем они ищут себя. Дом производит впечатление застоя, но не в политическом смысле, а с акцентом на постоянстве дома, который находится на одном месте, но все-таки вокруг него все время движение, которое люди производят. Стабильность, постоянство дома – положительная вещь, это создает чувство безопасности для всех посетителей. Дом – одно место, где все остается таким же, в то же время мир вокруг него меняется. Следовательно, в доме Медеи соединяются, с одной стороны, неизменность и, с другой стороны, постоянное движение и изменение. Именно движение и изменение являются противоположностями дома. В данном случае движение вокруг дома обозначает отправление и прибытие.

Как уже было отмечено, родственники и друзья приезжают к Медее по большей части провести отпуск, и часто эти визиты – единственные случаи в год, когда они встречаются друг друга, потому что они приезжают со всей страны и даже из других стран. И поэтому возникают конфликты, как мы раньше писали. Гости обычно прибывают следующим образом: после начала отпускного сезона весной Георгий всегда приезжает первым, но скоро после него обычно приезжают молодые женщины с малолетними детьми, а их работающие мужья проводят в Крыму недолгое время – недели две, редко месяц. Но, например, Маша проводит два месяца в Крыму из-за болезни ее сына. И потом приезжают какие-то друзья, которые останавливаются в Нижнем Поселке, а по ночам приходят в дом Медеи, а там вскрикивают и стонут за стенкой. Итак, женщины расходились с одними мужьями и сходились с другими.

«Новые мужья воспитывали старых детей, рожали новых, сводные дети ходили друг к другу в гости, а потом бывшие мужья приезжали

сюда с новыми женами и новыми детьми, чтобы вместе со старшими провести отпуск.»

(Улицкая 1996: 51.)

Дом Медеи был как бы местом, где существует возможность начать все сначала и где жизнь людей принимает новый оборот. И так случается также с Машей, когда она встречается Бутонова. Этот случай, конечно, влияет на всё и на жизнь многих.

Таким образом, прибытие в дом Медеи многозначное. Нам кажется естественным, что люди посещают Медею, потому что ее дом – место для отдыха. Но кажется, что люди приезжают туда, прежде всего, во-первых, из-за чувства свободы, так как там преобладают только порядок и обычаи. Во-вторых, атмосфера дома Медеи теплая и гостеприимная; конечно, надо не забывать то, что обыкновенно в романе показано летнее время, когда гости приезжают туда. По нашему мнению, невозможно не заметить влияние сезона визитов – весна и лето, которое, безусловно, одна из причин, почему люди возвращаются туда:

«Первые племянники приезжали обыкновенно в конце апреля, когда после февральских дождей и мартовских ветров появлялась из-под земли крымская весна в лиловом цветении глициний, розовых тамарисков и китайски желтого дрока.»

(Улицкая 1996: 13.)

Нам представляется, что чувство гостей такое, что они могут оставаться в спокойном месте с прекрасным пейзажем за неделю, а то и на месяц, где повседневные обязанности и обязательства остаются дома у каждого. Там можно встретить таких людей, которых в противном случае редко можно увидеть. И, может быть, родственники и друзья жалеют Медею, так как она живет одна в Крыму, и поэтому приезжают к ней. Но, с другой стороны, она не дает им причин для такой жалости, а наоборот – она показывает им, что она крепко стоит на своих ногах. Или люди, и именно родственники, считают своей обязанностью поехать к ней, потому что Медея как матриарх рода. И это дело – семья и традиция – является также одной из особенностей романа Людмилы Улицкой, что нами было уже отмечено в главе 1.

Существуют и такие причины прибытия, которые не настолько очевидны. Например, гости ищут новые впечатления или приключения, освободившись от повседневных обязанностей дома. Но дом Медеи также место размышления, где можно переосмыслить свою жизнь, не опасаясь, что кто-нибудь отнесется к ней осуждающе, и, на наш взгляд, гости Медеи уважают ее, потому что она никогда не выносит суждений, хотя она все замечает. Нам представляется, что дом Медеи – безопасное место и, кажется, те, которые его посещают, чувствуют себя так.

Интересным является выяснение того, какое это имеет значение для идентичности человека, что существует такое место, куда можно возвращаться? Прежде всего, для гостей Медеи важно принадлежать чему-то, и дом Медеи делает это возможным. В романе данное место единственное, куда родственники собираются. Может быть, дом Медеи в Крыму воспринимается таким, где посетители чувствуют себя привилегированными, состоя в «клане Медеи». С точки зрения идентичности это, конечно, укрепляет их. Ко всему прочему такое чувство приносит чувство безопасности для человека, когда есть место, куда можно вернуться и где ты всегда желанный, где ты чувствуешь себя частью чего-то целого. Наше представление об этом особенно подкрепляется в конце романа, когда Георгий строит новый дом в Крыму, который родственники и друзья продолжают посещать. У них явно сильное желание вернуться в Крым и в местность, где существуют многие жизненные истории и воспоминания.

Кажется, что причин отправления меньше, чем причин прибытия или писательница их не подчеркивает таким же образом. Обыкновенные причины – конец отпуска и возвращение домой и к повседневной жизни. Отправление часто принудительное, в то время как прибытие добровольное. Часто также отправление относится к обязанности, как и прибытие. Такой же долг в отношении родственников и всей семьи можно заметить в контексте понятий прибытия и отъезда.

Интересно заметить, что в конце романа большинство живых родственников Медеи переехали за границу, например, Алик переехал в Америку и Ника с Лизой – в Италию. После разрушения Советского Союза границы открылись, о чем Улицкая описывает в романе, так как семья Медеи еще шире разлетелась по свету. Таким образом, можно отметить, важная

тема Улицкой – мультикультурность. Улицкая изображает обширное явление, вызванное разрушением Советского Союза, когда большие группы народу уезжали из страны. Возможно, что опять Улицкая через описанные переезды критикует систему Советского Союза, где эмиграция была ограничена. Можно сказать, что после разрушения Советского Союза глобализация проникла в Россию. Но особенно после этого в романе роль дома в Крыму подчеркивает и то, что есть место куда возвращаться.

4.2.4. Традиция продолжается

Как мы уже отмечали, Медея оставила завещание, по которому дом отходил никому не известному Равилю Юсупову и именно по его просьбе, высказанной им много лет назад. Он, конечно, был тот молодой человек, который неожиданно появился на пороге ее дома много лет назад и в то время был участником движения за возвращение татар в Крым. Здесь Улицкая представляет этническую историю крымских татар, когда после Второй мировой войны началась насильственная депортация крымских татар из Крыма. (Keys 2011, www.) В романе Равиль был один из высланных. После долгого нелепого судебного процесса Равиль получает дом Медеи. Нам кажется, что Медея оставила дом для Равиля, потому что чувствовала жалость по отношению к нему и ко всем крымским татарам, которые были изгнаны. В письме Медеи к Елене видится грусть по прошлому времени, когда татары еще жили в Крыму: «Помнишь ли, Еленочка, каков был Восточный Крым при татарах? А Внутренний? Какие в Бахчисарае были сады! А сейчас по дороге в Бахчисарай ни деревца: все свели, все уничтожили...» (Улицкая 1996: 17.) Ясно, что здесь автор дает свою собственную оценку и таким образом изображает несправедливости в отношении крымских татар. В данном романе это ее способ дать голос «различным лицам», как Равиль и другие татары, как мы уже (см. выше, стр. 11) упоминали.

Надо обратить внимание, что значение дома Медеи, конечно, изменяется, потому что у дома новый владелец. А Георгий, наконец, исполняет свою мечту и переезжает в Крым в Поселок, где строит новый дом и женится на Норе. Теперь, в свою очередь, их дом становится местом, куда родственники приезжают, как это было традицией в прошлом – приезжать в дом Медеи. Эта традиция именно та, которая выполняет временный аспект

хронотопа дома, так как она давно продолжалась и развивалась в течение времени. Без времени – нет традиция. Таким образом, Георгий продолжает традицию, начатую Медей. Даже летняя кухня очень похожа на кухню Медеи с те же самыми медными кувшинами и посудой, где люди так же проводят вечер. Со стен свисают пучки подсыхающих трав, так как Нора научилась собирать местные травы. Мы упоминаем кухню, потому что она – «сердце дома» и в данном случае ее сходство только поддерживает важность Медеи, ее дома и традиции для Георгия. В данном случае хронотоп дома Медеи не совсем прекращает существование, потому что Георгий продолжает традицию Медеи подобным образом и в том же значении и в том же Поселке.

Нам кажется, что дом как пространство имеет базовое значение для жизни людей, по крайней мере, следуя логике романа. Рассматривая роман, мы все время отмечали, что дом Медеи влияет на всех и устанавливается какая-то соединительная связь между людьми и семьей. Дом как пространство в то же время производит и воспроизводит социальные отношения. И это именно то, что происходит, когда Георгий продолжает традицию, которую Медея основала. Конечно, традиция также изменяется, так как человек, продолжая ее, меняется, но и в данном случае дом меняется. Таким образом, несмотря на традиции, Георгий приносит в нее свои свойства. Новый член рода говорит следующее в эпилоге романа:

«Я очень рада, что через мужа оказалась приобщена к этой семье и что мои дети несут в себе немного греческой крови, Меединой крови. До сих пор в Поселок приезжают Меедины потомки – русские, литовские, грузинские, корейские. – Это удивительно приятное чувство – принадлежать к семье Медеи, к такой большой семье, что всех ее членов даже не знаешь в либо и они теряются в перспективе бывшего, не бывшего и будущего.»

(Улицкая 1996: 273.)

По нашему мнению, вышеупомянутые мысли указывают, каким образом роль Медеи влияет на следующих членов семьи даже после ее смерти. Мы также заметили, что через изображение повседневной жизни Улицкая рассказывает читателям чувства и отношения героев, и соотношение власти и характер времени и исторического периода. Это, конечно, исполняется особенно в доме Медеи, где люди встречаются. Следовательно, дом Медеи

влияет на социальные отношения главных героев, но также и на их отношения к власти.

До сих пор мы исследовали вопрос о хронотопе и обосновали многими примерами, почему дом Медеи, по нашему мнению, является хронотопом романа. В следующем разделе мы представим, каким образом море также можно рассматривать как хронотоп.

4.2.5. Хронотоп моря

Исследуя роман, мы отмечаем, что море имеет значительное влияние на дом Медеи и на род Синопли. В романе море присутствует видно, как и во время отдыха персонажей Крыму, так и в личной жизни героев. Отсюда следует то, что море также хронотоп романа, хотя не имеет такой большой роли, как дом Медеи. И поэтому мы объясняем его здесь отдельно.

Море окружает Крым, где дом Медеи находится. Море является обычно сильным географическим элементом, которое влияет на окружающую местность. Оно всегда в постоянном движении: животные в нем как и само море. Можно сказать, что море – жизнь, так как оно – вода, без которой жизнь невозможна. Люди и жизнь зависимы от морей. У моря огромная власть, и оно все время меняется, создает жизнь и на самом деле отнимает жизни. По нашему мнению, море символизирует свободу, потому что его нельзя контролировать. С одной стороны, это свобода и, с другой стороны, бесконечная власть моря вызывает страх и таким образом море заслуживает уважения. Вдобавок по морям транспортируются и жизненно важные товары для людей – факт, который подчеркивает важность моря еще сильнее.

Говоря о романе «Медея и ее дети», можно отметить, что море много раз описывается и оно – большая и видимая часть в жизни и доме Медеи. Например, прогулки на пляж моря всегда ожидаемые и даже ритуальные номера программы, которые из года в год следуют той же модели, о которых мы уже упоминали. К морю ведут две дороги, более легкая и труднопроходимая. И, как нами уже было отмечено, герои выбирают последнюю либо от привычки или от любви к приключениям. Все-таки пейзаж вдоль дороги прекрасный, и его

автор изображает так:

«Не так уж высока была эта горка, на которой когда-то устроилась татарская деревушка, но, как будто подчиняясь какой-то китайской головоломке, в этом месте ландшафт отказывался от обязательного следования оптическим законам [..]. Плавным круговым движением сюда было писано все: террасированные горки, – столовые горы за ними – а выше и дальше – древнейший горный массив с кудрявыми лесами у подножия, – огромное кольцо гор, не вмести́мое глазом, хранит в себе продолговатую каплю Черного моря.»

(Улицкая 1996: 67.)

По нашему мнению, здесь важно истолковать вышеупомянутое название моря «Черное море», которое создает сильное впечатление. Обычно цвет «черный» соединяется с горем, смертью и мрачностью, которые исполняются и в романе. Здесь нужно отметить, что, конечно, цвет черный ассоциируется с другими вещами, но мы выбрали наиболее подходящее в данном контексте. Например, так описывается отношение семьи Медеи и моря:

«..она была и приморским человеком: с детства мужчины ее семьи уходили в море. В море погиб ее отец, морской дорогой умел навсегда Александр Ашотович Степанян с Анаит и Арсеном, ветхий пароход увез из Батума тетку с двумя братьями, и даже сестра Анеля, вышедшая замуж за грузина из гористого Тифлиса, покидала когда-то дом с новой пристани милой Феодосии.»

(Улицкая 1996: 181-182.)

В добавление Медея потеряла свою мать и младшую сестру, которые умерли на девятый день после смерти отца. Явно, что море отняло многих любимых для Медеи людей и причинило горе всему роду. Море можно сравнивать с кровью, аллегорически «кровью жизни», и как истиной в данном романе, когда в море погибли родственники и друзья Медеи. Но, несмотря на все, что произошло, Медея все еще любит море и знает местное море как деревенский житель знает свой лес, и она знает «..все повадки воды, ее переменчивость и постоянство, цвет, меняющийся с утра до вечера, с осени до весны, все ветры и течения вместе с их календарными сроками.» (Улицкая 1996: 68-69.) Однако она редко ходит к морю, и даже тогда предпочитает ходить туда одна. Все-таки мы отметим, что море все время имеет

сильное присутствие, будь то значение для рода Медеи или для жизни Медеи и ее дома. Из дома Медеи виднеется Черное море, и по мнению большинства людей, посещающих Медею, из ее гостиной открывается лучший вид во всем мире.

По нашему мнению, море является важным элементом, потому что большинство событий случается в Крыму, в доме Медеи, который окружен море. Черное море имеет большое влияния и на жизнь Медеи, и ее рода. Символика моря важна в романе и более детально ее можно исследовать дальше, но выше мы стремились представлять важнейшие темы нашей работы. В следующем разделе мы будем рассматривать места романа, такие как Москва, Крым и Расторгуево, и их отношения на более конкретном уровне и с географической точки зрения.

4.3. Элементы и символика важнейших мест в романе

Далее мы проанализируем некоторые места в романе, подчеркивая именно отношения географического положения выбранных мест и их символику и другие возможные значения. С помощью книги «Russia on the Edge. Imagined Geographies and Post-Soviet Identity» (2011) Эдит Клоуз и романа «Медея и ее дети» мы истолкуем значения мест романа и расположим эти места на карте. Цель настоящего раздела – увидеть картину конкретных мест.

По Эдит Клоуз, Людмила Улицкая сосредоточивается на описании жизни периферий и их критических ролях для жизнеспособности страны. Она как бы «слушает» культурные голоса на периферии и серьезно относится к артикуляции традиции и идентичности. В ее произведениях можно увидеть противопоставление географических пространств – центра и периферии. (Clowes 2011: 121-122.) В произведениях Л.Е. Улицкой гибридность и мультикультурное взаимодействие возникают на периферии и почти никогда не проникают к центру, который составляет серую, этнически предвзятую систему. Воображение Людмилы Улицкой содержит в себе мультикультурное разнообразие, например, периферия «юг Черного моря». (там же: 137). Нам кажется, что соображения Эдит Клоуз оказываются

верными при анализе романа «Медея и ее дети». Нам представляется, что Улицкая показывает уважение к истории Крыма и к крымским татарам через роман.

По нашему мнению, в романе существует три места, в которых происходит большинство случаев. Во-первых, Крым и дом Медеи находятся в середине всего. Жизнь кружится вокруг дома Медеи, ее дом как бы является «базой» семьи. Туда люди приходят и оттуда уходят, но дом остается. Во-вторых, существует Москва – столица, где живут сестра Медеи и ей семья – Ника и Маша со своими семьями. В-третьих, недалеко от Москвы находится Расторгуево, где родился Бутонов и где он ремонтирует свой родной дом. Далее мы рассмотрим, какими способами данные места изображены и какую картину писательница хочет нарисовать перед нами.

Дом Медеи, несомненно, центральное место в романе. Мы согласно с Эдит Клоуз (Clowes 2011: 120-139), что в романе существуют центр и периферия, но хотя центром, вообще говоря, является столица Москва, в настоящем романе нам представляется, что Людмила Улицкая переворачивает общее центрическое мышление вверх дном, делая дом Медеи центром периферии. И на самом деле Москва и другие места изображаются как периферии предположенного центра. Читая роман, читателя понимает, что дом Медеи и Крым создают свой центр. Мы считаем, что таким перевернутым способом мышления Улицкая старается выявить меньшинство и мультикультурализм Крыма. Такое переворачивание, конечно, очень типично для Улицкой, как нам уже было отмечено. Например, так изображается местность дома Медеи в Крыму глазами Георгия:

«Он любовался этой землей, ее выветренными горами и сглаженными предгорьями, она была скифская, греческая, татарская и хотя теперь стала совхозной и давно тосковала без человеческого любви и медленно вымирала от бездарности хозяев, история все-таки от нее не уходила, витала в весеннем блаженстве и напоминала о себе каждым камнем, каждым деревом.»

(Улицкая 1996: 20.)

По сравнению с Москвой, Крым оказывается даже удивительным в романе. Его все хотят посетить и там исключительная и такая уютная атмосфера, потому что все чувствует

себя желанным. По нашему мнению, дом Медеи является «гаванью» родственников. Он почти противоречие Москвы, которая, с одной стороны, производит впечатление отдаленности и с, другой стороны, является местом, где происходят мрачные случаи. Крым описывается светлым местом, находясь на юге и ближе к природе, там как бы существует гармония, хотя нам ясно, что там развиваются конфликты. Интересно то, что на самом деле дом Медеи спокойное место и когда родственники и друзья приезжают, он полон жизни и суеты. Кажется, что у гостей положительное представление о доме Медеи и Крыме, так как они возвращаются туда обратно.

Однако Москва не пробуждает такие же теплые чувства, как Крым и дом Медеи, а даже наоборот, Москва вообще соединяется с негативными вещами, такими как такими как торопливость, отдаленность, секрет и насилие посредством самоубийства. Дальность здесь, конечно, субъективное понятие с точки зрения Медеи, потому что она только дважды побывала в Москве. Секрет значит то, что сестра Медеи Сандра и ее семья живут в Москве, далеко и их жизнь скрыта от Медеи. Мы имеем в виду, что Ника, дочь Сандры и Самуила, мужа Медеи. В конце романа Маша кончит свою жизнь самоубийством в Москве, становясь, таким образом, жертвой любовных похждений в романе. На наш взгляд, Улицкая не дает хорошего представления о столице Москва. Согласно Клоуз, приходя в столицу или центр, человек постоянно отказывается от своей «истинной идентичности» из-за богатства и работы (Clowes 2011: 122). Этим аргументом, по нашему мнению, что она указывает на судьбу и жизнь Сандры в Москве, которая меняла часто и профессии, и мужчин. И наоборот, уходя из центра, человек находит свою идентичность и видит центр с другой точки зрения (там же: 123). Отсюда следует, что это – одна из важнейших причин, почему все возвращаются в Крыму и в дом Медеи, как бы они могут быть там самими собой. Мысль Клоуз, что, когда человек уходит от предопределенного центра, так находится свою идентичность, очень интересная. Однако следует подчеркнуть, что это не исполняется подобным образом для всех людей. Например, у Георгия всегда такое чувство, что он хочет жить в Крыму и он думает об этом каждый раз, посещая Медею. Но чувство забывается, когда он возвращается домой и, в конце концов, проходит много лет, прежде чем он переезжает в Крым. Но, например, Ника продолжает свой собственный стиль жизни также в Крыму, где у нее отпускные романы, такие как с Бутоновым.

В романе Расторгуево находится недалеко от Москвы, где Бутонов проводит время и ремонтирует свой родной дом и куда он приводит своих любовниц. Данное место не так важно, как Москва, но Улицкая описывает его также с критическим оттенком. Расторгуево соединяется с обманным делом, и оно место, которое позволяет Бутонову быть свободным и независим от будничных обязательств. Дом Бутонова в Расторгуево все время меняется, когда происходит ремонт и когда Бутонов меняет женщин. Все-таки нам кажется, что на самом деле Бутонов ищет себя в течение процесса ремонта и в конце концов даже достигает внутреннего покоя и переезжает со своей семьей в Расторгуево.

Одна значительная разница между Москвой, Расторгуевым и Крымом – постоянство. В Крыму и жизни Медеи почти ничего не изменяется, дела идут самотеком. Например, так описывается застойная жизнь Медеи:

«..эта безотлучная жизнь, которая сама по себе стремительно и бурно менялась: революции, смена правительств, красные, белые, немцы, румыны, одних выселяли, других – пришлых, безродных – вселяли, – придала в конце концов Медее прочность дерева, вплетшего корни в каменистую почву, под неизменным солнцем, совершающим свое ежедневное и ежегодное движение, да под неизменным ветром е его сезонными запахами то высыхающих на берегу водорослей, то вянущих под солнцем фруктов, то горкой полыни.»

(Улицкая 1996: 181.)

По нашему мнению, автор хочет рассказывать нам, что, несмотря на то, что мир изменяется вокруг дома Медеи, последний все-таки остается таким же, и это является характерным его качеством. В романе видно, что Улицкая уважает прошлое время и культуру Крыма и его жителей, и это она показывает через характер Медеи и описание местности Крыма. В то время Москва и Расторгуево – места изменения, которые все время в движении. Но, с другой стороны, это и ожидается, главным образом, от Москвы как столицы страны. Мы считаем, что Улицкая изображает Москву и Расторгуево с довольно критической точки зрения и даже соединяет их с негативными представлениями и случаями. Роман производит такое впечатление, что особенно Москва находится в постоянном состоянии изменения, где политика и государственная власть ясно видны среди людей и влияют на них повседневную жизнь. На самом деле государство наблюдает за гражданами, и именно в столице

наблюдение по-особому строгое. Нам представляется, что в романе автор соединяет Крым с идеей свободы, а Москву – с контролем.

Другое противопоставление между Крымом, Москвой и Расторгуевом, которое возникает, – это юг и север. Естественно, оно связано с географическим местоположением их, но вдобавок мы видим тут символику юга и севера. Мы считаем, что север обычно соединяется с холодом, долгими и темными зимами, трудностями жизни и бедной почвой, которая делает сельское хозяйство трудным. А юг соединяется с теплотой и солнцем, пышностью природы, расслабленным образом жизни и часто отпуском. Здесь мы приходим к такому выводу, что по большей части юг видится позитивным и север – негативным. Это, конечно, грубое обобщение юга и севера. Очевидно, что в романе Москва и Расторгуево символически считаются севером и Крым – югом. Согласно с Эдит Клоуз, Улицкая соединяет север с «этническим русским эгоизмом и современным российским шовинизмом» (Clowes 2011: 126) и дает пример – Вера Ивановна, бабушка Маши, которая гонится за вещами и богатством, после смерти своей дочери, изливает на Машу свои психические проблемы и страхи.

В то же время юг Улицкой изображается сложным, мультикультурным и жизнеутверждающим со многими этническими группами, такими как греки, крымские татары и русские. Так как Крым находится на пограничной зоне, там всегда смешивались разные национальности, и это является одним из богатств Крыма – факт, который Улицкая принимает во внимание, описывая Крым в романе «Медея и ее дети». Улицкая представляет Крым как почву многих цивилизаций и империй, и именно его сложная история является частью его очарования, почему Крым перетягивает героев на свою сторону. Особенно в советский период Крым был популярное туристическое место, куда туристы со всего мира приезжали провести отпуск. Когда говорили о поездке на берег моря летом, обычно это означало Черное море, а не, например, Балтийское море или Северный Ледовитый океан. Многие писатели, например, Чехов и Толстой описывали Крым как место отдыха и таким образом делали его известным среди русских. В дополнение к всему вышеупомянутому нам представляется, что активная сексуальность женщин, за исключением Медеи, в изображении Улицкой является одной из характерных черт юга Черного моря. Однако нам кажется, что через эти любовные отношения в романе «Медея и ее дети» Улицкая скорее рассказывает о

предательстве в семье Синопли, чем описывает сексуальную жизнь соответствующих женщин.

По нашему мнению, в романе Улицкой существуют интересные характеристики, символика и противоположности разных мест и пространств, такие как юг – север, уютность – мрачность или постоянство – изменения, и их можно исследовать далее. Но в настоящей работе мы не будем более детально сосредотачиваться на противоположных свойствах этих мест, представленных в романе, так как главным фокусом нашего исследования является рассмотрение хронотопа романа.

5 Заключение

Целью настоящего исследования являлось рассмотрение хронотопов романа «Медея и ее дети» и обоснование нашего выбора с помощью теории пространства и хронотопа. По нашему мнению, мы удались найти подходящие источники, чтобы проанализировать исследуемое произведение «Медея и ее дети». Наша точка зрения была сосредоточена на теории пространства и времени с акцентом на определение хронотопа как части литературной картографии. Роман Людмилы Улицкой был отличным выбором для исследования хронотопа, потому что дом Медеи имеет такое сильное влияние и присутствие на протяжении всего романа, и это было одной из причин, почему мы решили использовать понятие хронотопа в нашей работе.

В аналитической части работы мы проводили наш анализ на основе выбранной теории и искали ответы на поставленные исследовательские вопросы, такие как, между прочим, какие хронотопы можно найти в романе «Медея и ее дети» и каким образом места и пространства являются хронотопами. Нас особенно интересовало то, какое значение хронотоп имел для героев и как они относились к хронотопу. С этим связано движение, происходящее вокруг хронотопа. И наконец, какие пространства и места появлялись в романе и какую символику они имели по отношению к роману. Главными терминами являлись хронотоп, пространство и место.

В анализе мы представили хронотоп романа, которым был дом Медеи по многим обоснованным причинам. В хронотопе соединяются пространство и время, и поэтому значение пространства и места нельзя забывать. В хронотопе романа дом Медеи в центре всего. Мы пришли к выводу, что дом Медеи – хронотоп встречи, потому что туда собирались люди, для которых соединительным фактором являлись семья и происхождение Синопли, и сама Медея и ее доброе имя. Дом в Крыме был уже сам мультикультурным, но стал еще таким местом, где в дополнение людей встречались разные культуры. Мы считаем, что изображение мультикультурности дома, но также и его сложности, иначе говоря, то, что он дал людям и каким было его значение для гостей, представлено в романе скорее как богатство, а не как проблема. Кажется, что значение дома для всех такое же, несмотря на то, откуда человек приходит. Нам представляется, что дело обстоит так, что важность дома

почти не изменилась, а больше изменился образ жизни людей. У человека еще врожденная потребность принадлежать куда-то, которая по большей части формируется в семье через социальное общение.

Мы считаем, что, описывая повседневную жизнь героев, Улицкая показывает их чувства и отношения, но также и соотношения власти и черт времени и исторического периода. Эти описания появляются именно в пространствах романа, а именно в хронотопе дома. Хороший пример соотношения властей тот, что дом Медеи, ее государство – место, куда все прибывают, а не наоборот. Другими словами, Медея имеет всю власть, которая потом переходит к Георгию. Кажется, что власть также связана с хронотопом дома Медеи в Крыму, так как трудно представить себе главное место семьи Синопли где-нибудь еще. Отношения между героями обычно отображаются в ситуации взаимодействия, например, в ситуации в доме Медеи, когда все герои на месте и говорят о политике, но когда разговор ускоряется, Медея выходит из комнаты и Ника прерывает разговор песней. Это отражает властную диспозицию между ними, но также и отношение к другим. На основе изучения романа в настоящей работе мы пришли к выводу, что через бытописание писательница, несомненно, стремилась описать отношения людей этого времени, но, с другой стороны, она хотела представить влияние пространства на структуры власти людей – в конце концов, главные события романа происходили в доме Медеи, который мы выбрали как хронотоп романа.

Ко всему прочему мы исследовали хронотоп моря, потому что море – ключевая часть истории и периодов жизни семьи Синопли. Море сопровождало жизнь семьи, полностью изменяя ее будущее. Итак, оно буквально стало «кровью жизни». С другой точки зрения, Черное море окружает Крым, местоположение которого, с одной стороны, очень выгодно, так как его центральное местоположение содействует развитию торговли, но, с другой стороны, очень привлекательным для завоевания, потому что тот, кто владеет Крымом, имеет большую власть в Черном море. Отчасти это связано со сложной и даже печальной историей Крыма. Однако значение Крыма и берегов Черного моря по-прежнему обозначает место отдыха и «юга» для многих туристов разных стран. По нашему мнению, Улицкая точно описала элементы обаяния Крыма – Черное море, лето, мягкий климат, пейзаж, прогулки по морю, разные люди, мультикультурность и не менее важным – усадьба в

Крыму, которой в романе был дом Медеи. Нам представляется, что в романе Людмила Улицкая считала именно это многообразие населения богатством Крыма и для культуры, и для всех людей. Изображение Улицкой представило для читателей идиллию Крыма, каким он, может быть, был раньше, но каким он больше не является.

Другая актуальная и не менее важная тема нашей работы – изменение значения современного дома. Развитие глобализации ставит следующие вопросы: где наш дом и куда мы принадлежим? По нашему мнению, в романе Улицкая подчеркивала значение одного места для людей, то есть дом Медеи в Крыму, куда все могли возвращаться. Возможно, что Улицкая писала так, исходя из личного опыта. Дом определяет нас и рассказывает много о нас, нашей жизни и о времени. Значение дома точно изменилось, потому что люди путешествуют много и переезжают в поисках работы за рубеж, так что дом может быть даже таким местом, которое сопровождает человека. Следовательно, может быть, поэтому все более важным является то, что у каждого существует место, где он чувствует себя как дома и чувствует, что принадлежит этому месту, несмотря на то, живет он там или нет. На основе изучения романа мы считаем, что автор хочет показать важность такого места, где человек всегда чувствует себя желанным. В романе такие места – это дом Медеи и Крым. Нам кажется, что дом Медеи – иллюзия дома для других людей, для них это дом без ответственности, где все хорошо и счастливо. Дом Медеи имеет представление райского пространства, особенно для таких людей, которые посещают его, но, например, для Медеи ее дом имеет другое представление, где происходила любовь, но и предательство, которое вызвало прекращение отношений между сестрами. На самом деле у всех есть свои дома, в которых человека ждут повседневные обязанности и заботы, то есть быт, действительность.

Противоположностью дома в романе является движение. Эта оппозиция очень ясно представлена в романе, так как дом Медеи – единственное место, которое сохраняется стабильным. Всё остальное постоянно меняется «вокруг» дома; дом Медеи можно сравнить со своего рода солнечной системой, гостей можно уподобить планетам, Медею – солнцу, и все гости «вращаются» вокруг центрального персонажа романа. Именно постоянство дома кажется таким же, как и характер Медеи. Медея не изменяется и никуда не отлучается из своего дома. На наш взгляд, Улицкая предлагает образ Медеи как символ дома и семьи вообще, потому что Медея имеет такие качества, как постоянство, надежность, безопасность,

которые также соединяются с представлением о доме и семье. Наше мнение поддерживает также название романа «Медея и ее дети», так как у Медеи нет своих детей, но, несмотря на это, она как мать для гостей ее дома. Роман выступает как сильная защита дома и семьи в изменяющемся мире, в котором доминирует глобализация и постоянное движение. Поэтому исследование дома Медеи мы считаем подходящим и обоснованным выбором для изучения хронотопа в настоящей работе.

Для дальнейшего исследования было бы интересно обратить внимание на сегодняшнюю ситуацию в Крыму и изображенную в романе и сравнить их с точки зрения положения меньшинства, например татар или греков. По нашему мнению, такое исследование было бы новаторским и у него было бы много возможностей рассмотрения темы также с общественной точки зрения. Другая тема, которая еще могла бы быть изучена, – тема моря, так как она акцентирована в романе и, по нашему мнению, заслуживает дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Первичный источник:

Улицкая, Людмила Е. (1996): *Медея и ее дети*. Москва, Эксмо.

Вторичные источники:

Goscilo, Helena 2012. Perestroika and post-Soviet prose: from dazzle to dispersal. *A History of Women's Writing in Russia*. Ed. by Barker, Adele Marie & Gheith, Jehanne M. Cambridge University Press, Cambridge, p. 297-312.

Clowes, Edith W. 2011. *Russia on the Edge. Imagined Geographies and Post-Soviet Identity*. Cornell University Press, Ithaca and London.

Ganser, Alexandra 2009. *Roads of Her Own: Gendered Space and Mobility in American Women's Road Narratives, 1970-2000*. Editions Rodopi, Amsterdam - New York.

Holmgren Troy, Maria 1999. *In the First Person and in the House: The House Chronotope in Four Works by American Women Writers*. Acta Universitatis Upsaliensis, Uppsala.

Lefebvre, Henri 1991: *The Production of Space*. Translation by Donald Nicholson-Smith. Blackwell Publishers, Oxford.

Lyytikäinen, Pirjo 2006. Rajat ja rajojen ylitykset: laji kirjallisuudessa ja kirjallisuudentutkimuksessa. *Genre – tekstilaji*. Toim. Anne Mäntynen, Susanna Shore & Anna Solin. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki, p. 165-183.

Massey, Doreen 1994. *Space, place and gender*. Polity Press, Cambridge.

Massey, Doreen 2008. *Samanaikainen tila*. Toim. Mikko Lehtonen, Pekka Rantanen ja Jarno Valkonen. (Suom. Janne Rovio.) Vastapaino, Tampere.

Nagy, Lajos Szopori 1986. *Suomalainen sukuromaani*. (Suom. Viljo Tervonen.) Suomalaisen kirjallisuuden seura, Helsinki.

- Rose, Gillian 1996. *Feminism and geography: the limits of geographical knowledge*. Polity Press, Cambridge.
- Rosenholm, Arja & Rytönen, Marja 2012. Onko venäläisessä kirjallisuudessa taas ”naisten aika”? *Kenen aika? Esseitä venäläisestä nykykirjallisuudesta*. Toim. Huttunen, Tomi & Klapuri, Tintti. BTJ Finland Oy, Helsinki, p. 227-239.
- Salminen, Jennaliisa 2012. Ljudmila Ulitskaja ja peruuttamaton menneisyys. *Kenen aika? Esseitä venäläisestä nykykirjallisuudesta*. Toim. Huttunen, Tomi & Klapuri, Tintti. BTJ Finland Oy Helsinki, p. 252-261.
- Saresma, Tuija, Rossi, Leena-Maija & Juvonen, Tuula (toim.) 2010: *Käsikirja sukupuoleen*. Vastapaino, Tampere.
- Scott, Joan W. 1986. *Gender: A Useful Category of Historical Analysis*. The American Historical Review, Vol. 91, No. 5. (Dec., 1986). American Historical Association, p. 1053-1075.
- Shneidman, N. N. 2004. *Russian Literature 1995-2002: On the Threshold of the New Millennium*. University of Toronto Press, Toronto, Buffalo, London.
- Shore, Susanna & Mäntynen, Anne 2006. Johdanto. *Genre – tekstilaji*. Toim. Anne Mäntynen, Susanna Shore & Anna Solin. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki, p. 9-41.
- Sutcliffe, Benjamin M. 2009a. *Prose of Life: Russian Women Writers from Khrushchev to Putin*. University of Wisconsin Press, Madison.
- Sutcliffe, Benjamin M. 2009b: *Liudmila Ulitskaia's Literature of Tolerance*. The Russian Review 68 (July 2009), p. 495-509.
- Sutcliffe, Benjamin M. 2004. *Engendering byt: Russian women's writing and everyday life from I. Grekova to Liudmila Ulitskaia*. University of Pittsburgh.
- Tally Jr., Robert T. 2013. *Spatiality*. Routledge, London.
- Wilson, Adrian 1985. *Family*. Tavistock Publications, London.

Абашева, М. П. и Воробьева Н. В. 2007. *Русская женская проза на рубеже XX-XXI веков*. Пермь: Пермский государственный педагогический университет.

Замятин, Дмитрий Н. 2006. *Культура и пространство. Моделирование географических образов*. Москва: Знак.

Юнгрен, Анна и Роткирх, Кристина 2009. *Одиннадцать бесед о современной русской прозе: интервью журналистки Кристины Роткирх с российскими писателями*. Москва: Новое литературное обозрение.

Материалы, опубликованные в Интернете:

Алламуратова А. Ж. 2014. *К вопросу о жанре семейного романа*. А. Ж. Алламуратова, Г. Ж. Алламуратова. Молодой ученый. № 4, p. 1187-1189. <<http://www.moluch.ru/archive/63/9724/>> [Просмотрен 26.5.2015]

Бахтин, Михаил М. 1975. *Формы времени и хронотопа в романе*. С. 234-407. <<http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html>> [Просмотрен 13.1.2014]

Биография Людмилы Улицкой: <<http://ria.ru/spravka/20130906/961088752.html>> [Просмотрен 23.10.2013]

Новаковская, Яна 2012. *Силуэты женщин в прозе Людмилы Улицкой в гендерном аспекте*. Studia Rossica Posnaniensia, № 37, Poznań: Adam Mickiewicz University Press. p. 239-248. <<https://repozytorium.amu.edu.pl/jspui/handle/10593/6591>> [Просмотрен 23.10.2013]

Keys, David 2011. *Complex Crimea: the history behind the relationship between Russia and Ukraine over Crimea*. Article, BBC History Magazine, May 2011 issue. <<http://www.historyextra.com/feature/complex-crimea-history-relationship-Russia-Ukraine-Crimea>> [Просмотрен 10.5.2015]

Prominent Russians: Bulat Okudzhava: <<http://russiapedia.rt.com/prominent-russians/music/bulat-okudzhava/>> [Просмотрен 10.5.2015]

Savolainen, Ulla 2009. *Kasvun tiellä ja muutosten kynnyksellä – Evakkopojan muistelukertomuksen kronotoopit*. Kasvatus ja Aika 3 (3), Kasvatuksen historiallis-yhteiskunnallinen julkaisu, p. 95-114. <http://www.kasvatus-ja-aika.fi/dokumentit/artikkeli_savolainen_2410091802.pdf> [Просмотрен 10.5.2014]

Словари:

Niemensivu, Helena ja Nikkilä, Ekaterina 2008. *Suomi-venäjä-sanakirja*. WSOY, Helsinki.

Яндекс. Словари: <<http://slovari.yandex.ru/>>

MOT Venäjä 1.0, 2011. Kielikone Oy. <<http://helios.uta.fi:2087/mot/uta/netmot.exe>>

Google Kääntäjä: <<https://translate.google.fi/?hl=fi&tab=wT#auto/ru/>>

Reverso: <http://www.reverso.net/text_translation.aspx?lang=EN>

ABBYY Lingvo: <<http://www.lingvo-online.ru/en>>